

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Москва, Кузнецкий М., 7. Телефоны { Редакция 1-23-99.
Конторы 2-80-42.

Подписная цена на год 11 р. 50 к.
" " полгода 6 р. — к.
Для "судработников" при подписке на год 8 р. 50 к.
" " " " " " полгода 4 р. 80 к.

№ 46

21 ноября 1926 года.

№ 46

Вопросы общего надзора.

(Об осуществлении прокуратурой общего надзора в связи с работой комиссий при исполкомах по наблюдению за законностью действий подведомственных им органов власти и учреждений).

Не подлежит сомнению, что внедрение революционной законности является делом всей партии и советского аппарата в целом. Вот почему законодатель, помимо прокуратуры, усвоил законоохранительную функцию и исполнительным комитетам советов.

Последняя приняла наиболее четкое и вполне определенное выражение в положении об организационных частях (отделах) губернских (краевых, областных) исполнительных комитетов, по которому на эти последние возлагается надзор за законностью и целесообразностью действий органов власти и учреждений, подведомственных данному исполнительному комитету.

В деле осуществления надзора законодатель, таким образом, поставил перед исполнительными комитетами два момента: наблюдение за законностью и целесообразностью действий органов власти и учреждений. В осуществление этой новой для исполкомов задачи в ряде губерний уже образованы соответствующие комиссии, состоящие в большинстве случаев из зав. организационно-инструкторским отделом, юрисконсульта, члена исполкома и пр.

Опыт изучения деятельности комиссий по наблюдению за законностью действий и постановлений подведомственных им органов власти и учреждений показывает их значительный уклон в сторону оценки нарушения норм действующего законодательства с точки зрения целесообразности. К ряду важнейших нарушений действующего законодательства комиссии нередко подходят именно с точки зрения целесообразности. Особенно это нужно сказать в отношении вопросов финансово-налоговых, бюджетных, жилищной практики, муниципализации и за последний период времени норм, регулирующих торговлю, аренду промысловых предприятий и т. п.

В условиях сложнейшей обстановки хозяйства и управления, в условиях все возрастающих требований, с одной стороны, и весьма ощутимых нужд и недостатков, с другой стороны, расценка нарушения норм действующего права, с точки зрения целесообразности, быть может, иногда и имеет свою логику.

Особенно это нужно сказать в отношении вновь районированных административно-хозяйственных центров, где в порядок дня или ставятся такого рода проблемы, на которые действующий закон не дает прямых ответов (а решение данного вопроса в соответствии с общим духом законодательства и политикой правительства не всегда может быть правильным), или же сама практика ставит

ряд такого рода вопросов, которые в рамках старого административно-хозяйственного деления вовсе не возникали, и законодатель, естественно, не мог их предусмотреть заранее. В этой же плоскости лежат и такого рода сложнейшие проблемы нашего государственного права, как-то: принципы централизации и децентрализации управления и т. п.

Отсюда же мы наблюдаем в последнее время в практической деятельности новых краевых и областных центров столь характерные центробежные тенденции, иногда находящие свое выражение в различного рода постановлениях, нарушающих действующий закон.

Таким образом, быть может, и естественно, что названные выше комиссии, внутренняя жизнь и характер деятельности которых определяется их организационной связью с местными руководящими исполкомами, направляют свою работу иногда по линии преобладания элементов целесообразности над законностью.

Отмеченные выше обстоятельства выдвигают два положения:

а) местные комиссии лежат в структуре исполкомов, и этим самым уже определяется их характер и круг деятельности в области надзора;

б) находящиеся в условиях полной зависимости от местного руководящего органа комиссии, естественно, не могут охранять закон в пределах его должной установки, они связаны учетом конкретной обстановки, местных условий (целесообразностью), и поэтому не могут проводить единой твердой линии в деле охраны закона в соответствии с нормами действующего права.

Эти два положения совершенно не изменяют дела с осуществлением надзора прокуратурой, они лишь только усиливают и оттеняют ту роль охраны закона, которая возложена на прокуратуру, как орган центральной власти, не связанный условиями подчиненности аппаратам местной власти. Однако, наличие деятельности комиссий все же ставит перед органами прокурорского надзора вопрос об увязке работы по охране закона с этими комиссиями.

Здесь, прежде всего, возникает вопрос, освобождается ли прокуратура по охране закона на каком-либо участке советского строительства при наличии деятельности коллегияльных комиссий при исполкомах? Выше мы уже отметили линию работы комиссий, мы указывали на наличие уклона в сторону элементов целесообразности и т. д. Между тем, ведь становится положительно ясным, что подчинение закону означает для нас планомерное проведение политики государственной власти, той политики, которая имеет своей целью, своей задачей укрепление господствующего

положения трудящихся масс. Подчинение закону, таким образом, является решающим моментом проведения политики господствующего класса, ибо в законе выражается весь план политической и хозяйственной деятельности всего господствующего класса.

В свете этих бесспорных положений категорического подчинения закону всех органов власти тем большее значение приобретает осуществление надзора от имени государства, что составляет исключительную прерогативу прокурорской власти.

Вот почему законодатель зафиксировал 87 ст. Положения о судоустройстве, по смыслу которой прокуратура не может быть освобождена от осуществления надзора и при наличии действия тех или иных местных аппаратов (комиссий), осуществляющих тождественную с прокуратурой функцию надзора. Не может быть и такого положения, по которому законоохранительная функция прокуратуры растворилась бы в местных коллегиальных комиссиях.

Учреждение упомянутых комиссий принципиально не изменяет положения дела с осуществлением надзора прокуратурой, оно вносит лишь некоторые технические изменения, создает новые условия, значительно облегчающие надзорную работу прокуратуры. Какие же эти условия?

По причинам распыленности поднадзорных объектов и громадного их количества прокуратура не в состоянии концентрировать у себя весь материал исполкомов (протоколы, обязательные постановления), систематический просмотр которых требуется правильной постановкой осуществления надзора. При наличии названных выше комиссий прокуратура путем участия в работах этих комиссий, не засаривая себя потоками бумажного материала, может осуществлять надзор, направляя работу комиссий по должному руслу.

Конечно, это участие в работе комиссий должно протекать в пределах, обуславливаемых ст. 88 Пол. о судоустройстве, т. е. прокуратура участвует в работах и этих комиссий с правом совещательного голоса и в случаях расхождения с таковыми приносит свой протест.

Особенно целесообразно участие прокуратуры в комиссиях при уездных (окружных) исполкомах (где они есть), куда стекается огромный материал с низовой периферии, овладеть которым одной прокуратуре не всегда под силу. Практика работы комиссий при уездных исполкомах показывает, что здесь менее всего при расценке нарушения той или иной нормы закона подходят с точки зрения целесообразности.

Обычно незаконные постановления волостных (районных) исполкомов отменяются «без боя», здесь, как мы уже сказали, менее всего царит настроение целесообразности.

Уже несколько иную картину мы наблюдаем в работах некоторых комиссий при губернских (краевых, областных) исполкомах. Ряд вопросов первостепенной важности, по которым было допущено отступление от норм действующего закона, здесь расценивается с точки зрения элементов целесообразности; следуя соответствующим указаниям, здесь разворачивается такого рода аргументация, которая менее всего основывается на формальных моментах. Если к этому мы прибавим обстоятельства полной зависимости комиссий от исполкомов и отсюда невозможность их действовать вопреки указаниям, идущим иногда в разрез с законом, однако, проводимым по соображениям целесообразности, то нам не трудно будет представить себе линию работ комиссий, хотя бы в ее отдельных частях и моментах работы.

При таких условиях думается, что прокуратура, если и принимает участие в работах этих комиссий, то все же

не может быть освобождена от самостоятельного просмотра материалов уездных (окружных) исполкомов. Наличие работы комиссий, особенно в данном случае, абсолютно не освобождает прокуратуру от ответственности за надлежащую постановку работы в деле охраны закона, в соответствии с требованиями норм действующего законодательства. Самостоятельная линия поведения прокуратуры в деле осуществления надзора за законностью действий всех органов власти на соответствующей территории не может быть ослаблена по мотивам действия названных комиссий. Это тем более необходимо, что регулярное посещение заседаний комиссий вряд ли может быть осуществляемо прокуратурой в виду ее значительной загрузки. Надзор за закономерностью действий и постановлений губернских (краевых, областных) органов власти и учреждений, таким образом, должен быть осуществлен прокуратурой самостоятельно, вне зависимости от деятельности тех или иных подсобных аппаратов, создаваемых руководящим исполкомом.

Создание комиссий по наблюдению за законностью действий и постановлений органов власти и учреждений на данной территории есть безусловное право исполкомов, непосредственно заинтересованных в охране закона. Но это обстоятельство как в данный момент, так и на ближайший период времени не освобождает прокуратуру, как мы уже и выше говорили, от действий ее в деле охраны закона.

Мы не имеем еще достаточного опыта деятельности комиссий исполкомов, чтобы сделать выводы в сторону некоторого ослабления работы прокуратуры в ее административном надзоре; но мы имеем как раз достаточно доказательств обратного: тенденции к расценке правонарушений с точки зрения целесообразности, подход с точки зрения местных нужд, местной обстановки (колокольни) к анализу нарушений норм закона и мн. др.—все это настолько прочно стабилизировалось в практике многих исполкомов, что требуется еще длительная, неослабная работа прокуратуры в деле общего надзора.

Таким образом, наличие работы упомянутых комиссий не освобождает прокуратуру от проведения самостоятельной четкой линии, направленной на укрепление требований революционного закона, вне зависимости от местных решений любого аппарата. Это—право и обязанность прокуратуры, как органа центральной власти, призванного охранять закон от имени государства.

В. Мокеев.

Взыскания за мелкие фабрично-заводские кражи.

(В порядке обсуждения).

Уголовным Кодексом (ст. 180, п. «д», примечание) установлено, что мелкая фабричная кража, совершенная на предприятии работником предприятия, наказывается согласно табели взысканий, установленной Народным Комиссариатом Труда. Никакой общей табели взысканий, установленной НКТ, не существует. Есть табель взысканий для предприятий электро- и металлопромышленности и для коммунальных предприятий. Взыскания, предусмотренные этой табелью, делятся на четыре группы: взыскание с объявлением по цеху или отделу, выговор с объявлением по заводу и с извещением завкома, то же с уведомлением райкома и подрайкома союза и увольнение. Увольнение производится администрацией с согласия во всех случаях мест-

ной РКК. На каждом предприятии есть свои правила внутреннего распорядка с таблицей взысканий, и везде, как правило, предусмотрено увольнение только лишь с согласия РКК. Таким образом, п. «д» ст. 180 при проведении в жизнь столкнулся с препятствием: отсутствием общей, установленной НКТ, таблицей взысканий. Между тем, основной целью этой уголовной новеллы было стремление разгрузить суды от мелких дел и дать возможность предприятию самому бороться с хищениями мелкого характера. Необходимо отметить, что значительную часть этих мелких хищений и нельзя квалифицировать (если не стоять на точке зрения одной только формы) как кражу. В огромном количестве случаев рабочих, унося с фабрики (а такие случаи попадаются нередко) шоколад, маленькую баночку чернил, «рубчик» кожи на подбойку каблука, порванный мешок, чтобы обернуть рваные валенки, «концы» (обтирку) для надобностей домашнего обихода и другие малоценные предметы, и не осознает, что он расхищает народное достояние, и в сознании своем не является вором, а становится им лишь при подходе к нему с точки зрения строгой формы закона. Ввиду отсутствия определенных таблиц взыскания для всех предприятий, как того требует ст. 180, п. «д», изданных НКТ, а не разработанных при правилах внутреннего распорядка, какие существуют на предприятиях, НКТ и НКЮ издали постановление от 1 апреля 1926 года № 65/1017 о взысканиях за мелкую фабрично-заводскую кражу («Труд» от 30/IV—1926 г. № 99) на основании примечания к п. «д» ст. 180 Уголовного Кодекса, определив, что мелкая кража работником предметов со своего предприятия влечет дисциплинарное взыскание. Видами дисциплинарных взысканий являются: а) выговор с объявлением по цеху или заводу в целом; б) понижение в тарифном разряде; в) перемещение на низшую должность и г) увольнение. Перемещение на низшую должность и снижение в разряде устанавливается на срок не больше шести месяцев. Самый факт кражи устанавливается поимкой с «поличным» (старый правовой термин, которому насчитывается лет 400. М. Б.) или другими бесспорными доказательствами, а также показаниями свидетелей-очевидцев; о самом факте составляется акт за подписью администрации, свидетелей и понятых. Почему-то в изъятие от всех других видов протоколов даже подписи самого обвиненного в краже не требуется, и ему не предоставляется возможности заявить отвода свидетелям, как потому, что они не были очевидцами, так и по моменту их личной заинтересованности или по каким-либо другим причинам. На основании такого в высшей степени примитивного дознания обвиненный может быть уволен из предприятия с огромным риском не попасть ни на какое другое. Хотя по закону (ст. 42 КЗоТ) и не полагается отмечать в удостоверениях об увольнении с работы причины увольнения, но случаи из судебной практики и практики профсоюзов показывают, что сведения нанимателя передаются и могут фактически передаваться. Надо отметить, что указанное выше постановление распространяется не только на госпредприятия, но и на частные хозяйства, раз они подходят под понятие фабрично-заводских. Дисциплинарное взыскание налагается администрацией предприятия, избрание той или иной меры взыскания из указанных выше предоставляется целиком администрации и зависит от обстоятельств, сопровождающих кражу, и должно быть обязательно мотивировано.

Значит, должно быть составлено нечто вроде григорора, т. е. решения нанимателя, скажем, об увольнении с изложением обстоятельств дела, с указанием мотивов, на основании которых следует иметь увольнение, а не другая форма.

Куда можно жаловаться на решения администрации? Этот вопрос встал перед сезонными организациями, так как в порядке применения нового постановления произошли некоторые неувязки. Неувязки заключались в том, что дела поступали по жалобам рабочих в РКК. Рабочая часть не соглашалась с постановлением администрации, и возникал конфликт, который приходилось, в конце концов, прекращать за неличностью постановления от 1 апреля. Приведем примеры. На Истомкинской мануфактуре уволена ткачиха Л. за кражу товара в количестве 1½ аршин. Л. беременна, муж служит в Красной армии. РКК считает, что проступок совершен «не с целью кражи», а также, что мера в виде увольнения слишком строга. На Старо-Павловской мануфактуре Камвольного треста служащий конторы гр. К. переведен за кражу в рабочие по двору. К. утверждает, что найденный у него лоскут товара получен им законно. Рабочая часть РКК устанавливает, что К. работает на фабрике 26 лет и не подвергался взысканиям за кражу, а также, что хищение не может быть безусловно и безоговорочно доказано. Дело также решается по закону первого апреля, т. е. К. переводится в рабочие по двору. На Соболево-Щелковской фабрике уволен рабочий Х. за кражу лоскута в 50 коп. и резиновых перчаток в 1 р. 70 к. Перчатки оказались купленными у рабочего той же фабрики. Дело было на РКК. Имеется целый ряд таких и подобных дел. Из всех их можно видеть одно, что дело само по себе ищет выхода, хочет прорваться в какую-то инстанцию, чтобы выяснилась та или другая неправильность в применении закона.

Естественно, что рабочие наметили выход в расц.-конфликт. ком. Вопрос о «выходе» интересовал и союзные организации, обращавшиеся за разрешением и в госорганы и в вышестоящие союзные организации. По указаниям и тех и других, обжалования ни в одну из судебных инстанций, ни в одну из конфликтных инстанций не существует. Единственная мера—жаловаться в вышестоящие административные инстанции, например, на директора фабрики—председателю треста, на последнего—в МСНХ или ВСНХ, смотря по тому, какого значения трест: московского или всесоюзного, и т. д. Самая жалоба в эти вышестоящие инстанции «по начальству» не останавливает приведения решения в исполнение.

Крайне важно отметить, что и при самой выработке постановления этот же вопрос интересовал и органы, выработавшие его. Так, НКТ предлагал сделать инстанцией для жалоб РКК, ВЦСПС—органы надзора НКТ, НКТ и ВЦСПС вместе предлагали установить судебное обжалование. В результате никаких инстанций для жалоб не установлено. Получилось следующее положение. Как поступить, если рабочий заподозрен в краже, как, например, в приведенном нами случае с К., когда он уличен обыском, но доказывает, что вещи получены им легально, в акте же устанавливается, что вещи крадены, при чем акт имеет дело с человеком, бывшим 26 лет честным; или уличен неоспоримо в краже, но доказывает со ссылкой на свидетелей (случай с гр. Х.), что вещи не крадены, а никакой возможности оправдаться ему нет; или как быть в случаях, подобных случаю с гр. Л.: любому криминалисту известны особенности в психике беременных женщин, и вряд ли всегда такие случаи можно приравнять к преступлению. Мы знаем, что обвиняя эти лица при существующем законе в краже не на 15, а на 16 рублей, за ними были бы соблюдены все гарантии, установленные при дознании, следствии и суде; в их распоряжении был бы весь порядок обжалования и по судебной и по конфликтной линиям. Постановление же от 1 апреля за-

крывает всякий выход. Между тем, при увольнении по постановлению от 1 апреля случаи, вызывающие спор, могут возникнуть и возникают, как видно, хотя бы из приведенных выше примеров. Значит, должна быть дана дорога к прохождению вытекающих из таких случаев споров.

Нам думается, что правильным способом разрешения данного вопроса была бы передача дела не в РКК, так как не дело РКК разбирать дела об уголовных правонарушениях, где нужен и особый подход, и особый опыт судейский. В таких делах в РКК увольняющая администрация, как правило, будет против, рабочая часть РКК — за рабочего в большинстве случаев, там, где решение администрации будет слишком жестко и где она не будет делать выбора из всей скалы наказаний, а остановится на увольнении. Прибавится к общей массе еще группа неразрешенных конфликтов и в порядке хождения по конфликтным инстанциям еще значительные прогулы, которые в случае удовлетворения спора рабочего повлекут за собою оплату ему за вынужденный прогул. Нельзя передавать дел и в органы надзора НКТ, так как в каждом случае придется рассматривать дело по существу — есть ли проступок, соответствует ли наказание содеянному, — а не только с точки зрения нарушения тех или других положений. Единственный орган, который может разрешить дело по существу, — это суд. При этом в суд должны передаваться лишь дела, когда взыскание применено в качестве увольнения, а остальные случаи должны остаться в пределах власти администрации. Выговор, понижение в разряде и перемещение на низшую должность могут иметь воспитательное значение. Увольнение имеет лишь значение наказания, так как уволенный уходит с предприятия и не подвергается воздействию коллектива.

Но при передаче дела в суд не может ли получиться та же самая загрузка судов мелкими делами, против которой и борется ст. 180, п. «д»? Загрузка, несомненно, будет, но далеко не в размерах, бывших до постановления 1 апреля. Во-первых, рабочий действительно виновный, уличенный в краже, вне всяких сомнений, не пойдет в суд с тем, чтобы вторично там его признать виновным в краже. Во-вторых, администрация, зная, что ее действия могут быть обжалованы, будет осторожнее подходить к увольнению за кражу мелочей или, вернее, за взятие без разрешения материалов с производства. Самое постановление от 1 апреля, в смысле своей редакции, вызывает еще и другие вопросы. Что такое, например, «другие бесспорные доказательства»? И существуют ли такие или, наоборот, всякое доказательство необходимо проверить и «бесспорное» превратится часто вовсе не в доказательство. Чем же бесспорно доказательство, когда у рабочего находят в кармане $\frac{1}{4}$ фунта обтирки, стоимостью в несколько копеек? Случай увольнения за это имел место. При проверке этого бесспорного доказательства и «политического» оказалось, что обтирка положена по забывчивости во время работы в карман и осталась там. Почему заподозренному в краже не дается для подписи акт, которым он изобличается? Этот пробел в постановлении, во всяком случае, необходимо исправить.

Таким образом, и уголовный закон, и постановление НКТ и НКЮ, имевшие своей задачей внести планомерность, быстроту и ясность в борьбе с мелкими хищениями, не достигли цели. Жизнь указала на то, что ни планомерности, ни ясности не внесено. Осталась одна быстрота, часто характеризующаяся вынесением слишком поспешных решений администрацией. Постановление 1 апреля должно быть изменено в смысле указания в законе на право рабочего обжаловать решение администрации об увольнении в суд. Нормальной подсудностью надо считать подсудность труд-

сессиям, где они имеются, так как дело касается расторжения трудового договора. Самый судейский состав особой сессии (от профсоюзов и хозяйственных органов) гарантирует вдумчивое и политически правильное решение дела.

М. Бухов.

—>—

Территориальная подсудность исков по зарплате.

Гражданский процесс по части нормирования территориальной подсудности исковых дел, мне кажется, очень суров по отношению исков по заработной плате, ибо для последних он не дает никаких исключений из общего правила. Если примечание к ст. 25 ГПК составляет исключение для дел о взыскании средств на содержание, то почему бы это исключение не распространить и на дела о взыскании заработной платы? Думается, что можно. Подобное расширение этого примечания не только не будет противоречить общему принципу нашего гражданского процесса, наоборот, оно даст ему новый плюс к числу имеющихся классовых гарантий в защиту трудящихся масс. На самом деле, в чем существенная разница между делами о взыскании средств на содержание и делами о взыскании заработной платы? Почему же последние имеют меньше защиты по нашему процессу, чем первые?

Чтобы доказать необходимость уравнивания процессуальных норм по отношению этих двух категорий дел, нужно сопоставить содержание этих дел, их назначение. Алименты имеют прямое назначение — обеспечить содержание и воспитание оставленных одним из родителей или обоими последними детей, раз этого пока не может сделать государство. Заработная же плата обеспечивает существование и самого трудящегося и его семьи. Отсюда вытекает, что отсутствие быстроты в рассмотрении алиментных дел и взыскания по ним тяжело отразится на положении ребенка, такое же промедление по делам о заработной плате не менее тяжело отразится на положении семьи трудящегося и на состоянии его самого. Последствия задержки в выплате заработной платы известны: они не ограничиваются семейно-индивидуальными тяжелыми переживаниями, а вслед за этим переходят и на общество в целом, т. к. недостаток средств на нормальное питание, вызываемый задержкой выплаты зарплаты, влечет истощение сил, а затем и болезнь трудящегося, конечным результатом чего является и понижение производительности труда и преждевременная инвалидность. Вот та небольшая серия основных доводов, которые достаточно говорят за то, что за делами о заработной плате не меньше, чем за алиментными, преимуществ на предоставление для них исключения из общего правила о территориальной подсудности.

Следовательно, чем же объясняется наличие этого упущения в гражданском процессе? Мне кажется, что в этом повинен не только законодатель, но в большей степени исполнители закона, ибо если закон не делает прямого исключения, подобного примечанию к ст. 25 ГПК, то разве нельзя было бы найти это исключение в последующих статьях того же Кодекса? Не будь строгого формализма в разрешении подобных вопросов, с излишком у нас существующего, тогда, конечно, можно было бы с успехом изыскать выход для исключения без всякого нарушения процессуальных норм. Но в том-то и дело, что формализма у нас большой избыток. Возьмем пример: заявление о взыскании заработной платы, не подтвержденное письменным трудовым договором и тем более расчетной книжкой, поданное по месту жительства истца, возвращается последнему с предложением обратиться в нареуд по месту жительства

ответчика. Это—общее явление. Приведу конкретный случай. Грузовой плот, принадлежащий одной из лесозаготовительных организаций, в силу естественных условий реки Ветлуги остался на песках ее берегов, вдали не только от места нахождения конторы этой организации, но даже и населенных пунктов вообще. Чтобы сохранить от расхищения лесные материалы этого плота, агентом организации, по распоряжению ответственных руководителей таковой, был нанят и поставлен сторож для охраны плота. Через некоторое время, видимо по мотованию надобности, тем же агентом по распоряжению опять-таки руководителей сторож увольняется, и ему не додается зарплаты 23 рубля, о взыскании каковой, в конечном счете, ему пришлось обратиться в нарсуд по месту его жительства. Это заявление нарсудей не принимается и возвращается подателю обратно на том основании, что ответчик, в лице ответственной конторы организации, находится в пределах другого участка и даже другого уезда. Каково же положение истца в этом и ему подобных случаях? Или он должен идти за 130—150 верст на судебное рассмотрение дела или получение судебного приказа и израсходовать почти, а то и всю сумму иска, или он должен бросить попытку взыскания?

С таким формальным подходом к разрешению столь серьезного вопроса, как зарплата, ни в коем случае нельзя согласиться. Выход должен быть найден, и выход безусловно в пользу трудящегося: не гонять же его разыскивать ответчика, когда с успехом можно сделать обратное, тем более, что для ответчика, имеющего представителя в месте работ, производившихся истцом, никаких затруднений по представительству в суде это не представит. Попробуем использовать для этого ст. 28 ГПК, которая говорит, что «иски, возникающие из договоров, в которых означено место исполнения или исполнение которых по их свойству может последовать только в определенном месте, могут быть предъявлены местному по исполнению договора суду». Разве эта статья по своему содержанию не дает возможности подвести под нее наш случай? Да, дает. Ведь заработная плата вытекает из трудового договора независимо от того, имеется ли письменный договор или его нет, имеется ли на руках у рабочего расчетная книжка или отсутствует и она, ибо несоблюдение нанIMATEЛЕМ формальностей, требуемых законом, не может умалять прав трудящегося. Значит, самый факт найма рабочего или служащего, хотя бы при отсутствии письменного трудового договора и даже расчетной книжки, уже порождает условия трудового договора со всеми последствиями, из него вытекающими. А раз это так, то само собой понятно, что иски о взыскании заработной платы должны рассматриваться народными судами по месту выполнения работ независимо от места нахождения ответчика или его ответственного представителя, как иски, возникающие из договоров.

Такое разрешение поставленного вопроса будет вполне соответствовать классовому принципу наших законов вообще, а в то же время даст возможность быстро рассматривать претензии по заработной плате, обеспечив их осуществление. Возражения против такого разрешения этого вопроса могут основываться лишь на ст.ст. 210 и 213 ГПК, предусматривающих удовлетворение исков по зарплате при наличии расчетной книжки судебным приказом по месту жительства ответчика. Но такое возражение было бы необоснованно, ибо не всегда трудовой договор сопровождается выдачей расчетной книжки, и в этих случаях дела рассматриваются в судебном заседании. Более того, рассмотрение в судебном заседании возможно и для дел при наличии расчетной книжки и даже трудового договора: это бывает в том случае, когда по делу необходимы дополнительные доказательства. Этот порядок рассмотрения дел, как нам известно, гораздо сложнее для истца, чем получение судеб-

ного приказа, т. к. он требует не только присутствия на процессе самого истца, но и ряда свидетелей, в противном случае могут оказаться бесполезными все труды истца.

Можно было бы привести и еще доводы в пользу исключения из общего правила о территориальной подсудности исков по заработной плате, но и приведенные здесь вполне убедительно говорят за то, что гражданский процесс должен допустить такое исключение путем ли (подобно примечанию к ст. 25 ГПК) специального законодательного акта, путем ли истолкования со стороны Верховного Суда порядка применения ст. 28 ГПК по этим делам.

Нарсудья 2 уч. Краснобаковского у. Нижегородской губ.
Л. Тетерин.

Самовольное вселение и борьба с ним.

Из целого ряда городов сообщают о быстром росте нового «способа» добывания квартир. Способ этот заключается в том, что в освободившееся, а то и заселенное помещение является под тем или иным предлогом приверженец этого нового «способа» и... остается жить, так сказать, явочным порядком.

В гор. Ростово-на-Дону это явление приняло угрожающие размеры, становясь бытовым явлением; в близлежащем же гор. Таганроге дело дошло до захвата пустующих или вновь отстроенных квартир при помощи физической силы: взламывают окна или двери и поселяются с чадами и домочадцами.

Вопрос во всех этих случаях сводится к тому, успеет ли прибыть милиция до того, как насильники водворятся в квартиру. Если успеет, то атака бывает отражена; если опоздает, и лицо, самовольно вселившееся, окажется к моменту прибытия милиции уже внутри помещения, то удаление физической силой насильника оказывается уже «административным выселением», а оно де возможно лишь при наличии целого ряда условий, да и то лишь из закрепленных домов. Словом, в этих случаях представитель милиции в сознании законности своих действий ограничивается лишь протоколом по ст. 103 УК (да и то не всегда), на прощание посоветовав потерпевшему предъявить иск о выселении захватчика. Лицо же, самовольно вселившееся, торжествует победу... над здравым смыслом и всей нашей жилищной политикой.

Таково обычно внешнее, бытовое оформление случая, который мы в последние годы привыкли называть «самовольным вселением». Правда, термин этот не приобрел признания в законодательстве, где он вовсе не упоминается, встречаясь лишь в обязательных постановлениях губисполкомов. Во всем же обширном жилищном законодательстве последних лет, как общесоюзном, так и республиканском, мы, вообще говоря, лишь дважды встречаемся с упоминанием о самовольном вселении, а именно в законах: «о выселении лиц, занявших помещения в муниципализированных дачевладениях без установленных ордеров» (декрет ВЦИК и СНК от 3 декабря 1923 г.) и «о занятии жилого помещения без разрешения» (пост. ВЦИК и СНК от 9 января 1924 г.).

В обоих этих случаях речь идет не столько о захвате жилищной площади, сколько о занятии ее без достаточного оформления; не даром в пост. от 9 января 1924 г. речь идет о несоблюдении всех требуемых при вселении правил, а в декрете от 3 декабря 1923 г. логическое ударение ставится на отсутствии у вселившихся ордеров. Степень социальной угрозы такого самовольного вселения неизмеримо менее значительна, чем того активного захвата

жилой площади, о котором мы говорили выше. С этой точки зрения понятно, почему законодатель, регламентируя лишь случаи самовольного вселения такого смягченного типа, воздерживается от сильно действующих средств, каким является выселение в административном порядке, и предлагает в этих случаях выселять в судебном порядке (см. декрет от 9 января 1924 г.). Правда, при занятии муниципализированных дач без ордеров по силе декрета 1923 г. полагалось выселение в порядке административном, но позднейший декрет 9 января 1924 г., устанавливая, когда именно можно прибегать к судебному, а когда к административному выселению, не упоминает в числе случаев последнего рода о случае вселения в дачевладение, почему последний следует понимать также отошедшим к судебному порядку выселения. Заметим здесь попутно, что позднейшее законодательство, а именно декрет ВЦИК и СНК от 14 июня 1926 г., неожиданно оживляет этот умерший было декрет о выселении в административном порядке из муниципализированных дачевладений лиц, неправомерно вселившихся, помещая и этот случай в ряду влекущих административное выселение,—но об этом позже.

Итак, закон наш в общем оказывается недостаточно решительным в отношении к квартирным ушкунникам, разрешая их выселение, как правило, лишь в порядке судебном; впрочем, здесь уместнее говорить скорее о некотором умолчании закона, который в этой части оказывается весьма скупым и кратким: он точно сознательно не упоминает о мерах борьбы с самовольным вселением, и это имеет место на протяжении почти трех лет, т.-е. с 9 января 1924 г. и по настоящее время (если не считать специального указания о дачах в законе от 14 января 1926 г.), т.-е. как раз в то время, когда жилищное законодательство во всех решительно других своих частях получило весьма значительное развитие.

В этом умолчании, в этой скупости законодателя мы видим не случайность; с точки зрения догматической, мы ведь и не нуждаемся в специальном определении способов и деклараций права борьбы с самовольным, верней, с неправомерным вселением. Существуют статьи 59 и 170 ГК: первая из них дает защиту от неправомерного владения собственнику, а вторая — нанимателю.

Первой против захватчика квартиры может защищаться собственник строения, а вторую — владелец квартиры.

С этой точки зрения, все в порядке, и незачем совершенно говорить о какой-то специальной защите против неправомерного занятия жилплощади. Однако, следует отметить что даже и академически такой подход должен встретить целый ряд возражений. Но уже, во всяком случае, с точки зрения практической, было бы в высшей степени нежизненным утверждать, что здесь все обстоит благополучно, и что предъявление иска захватчику по статье, скажем, 170 ГК, вполне устраивает истца и гарантирует нашу жилищную политику от серьезнейшей встряски.

Если судебный процесс на основе ст. 59 ГК достаточно оружие в борьбе с самовольными вселениями, почему же в таком случае закон в иных случаях не желает отказать (случаи с муниципализированными дачевладениями) от более скорой расправы с захватчиком путем административного выселения?

А с другой стороны, можно ли найти оправдание такому явлению, когда захват дачи дает дачевладельцу право защищаться в более скором и более действительном, административном порядке, а захват, предположим, отремонтированной жилтовариществом квартиры такого права не создает?

Нет спора, судебный порядок обеспечивает большую правильность решения, этот порядок разрешения спора предо-

ставляет сторонам и большие гарантии в осуществлении своих законных прав—все это верно. Но вся беда в том, что, обеспечивая все гарантии, судебный порядок не дает одной, но весьма существенной гарантии: быстроты разрешения вопроса.

А жизнь, между тем, порождает в обостреннейшем из обостренных вопросов, вопросе жилищном, случай такого столкновения интересов, которое по самому существу своему отлагательства не терпит; это случай такого рода, когда не только отсутствует достаточное оформление прав на занятие квартиры, т.-е., прежде всего, разрешение от домоуправления, но когда имеет место занятие квартиры явно против желания последнего, когда налицо захват или, другими словами, когда совершается преступление, предусмотренное ст. 103 УК.

Неужели же и в этих случаях ст.ст. 59 или 170 ГК будут достаточно острым оружием против захватчиков, и разве не очевидно, что применение этих статей в медлительном по необходимости гражданском судебном процессе окажется в резком противоречии с общественным заданием в данном вопросе: быстро выселить грубого нарушителя нашей жилищной политики.

Нам представляется, что существующий ныне догматический подход к затронутому нами вопросу неверен, и неверен, прежде всего, догматически же.

«Споры о праве гражданском разрешаются в судебном порядке» — провозглашает ст. 2 ГК. Так вот является ли требование, обращенное домоуправлением к лицу, самоуправно захватившему жилплощадь, об освобождении таковой «спором о праве гражданском», содержит ли оно элементы этого «спора»? Под последним мы имеем в виду, прежде всего, столкновение претензий двух или более лиц на то или иное имущество и благо. Но вот в нашем случае из формулы выпадает понятие «претензия»: никакой претензии на правовое обладание захваченной квартирой захватчик не заявляет вовсе. Он просто захватил, владеет, вот и все его «счастье». Он просто делает ставку на медлительный судебный процесс; недаром, ведь, у нас и пословица такая есть: «Пока суд да дело»... Спора же он никакого не заявляет и не поддерживает.

А мы хотим помочь ему в этой его антиобщественной ставке и твердим, что без судебного процесса здесь никак не обойтись. А между тем, спора о праве гражданском, единственно подлежащем разрешению в гражданском судебном порядке, здесь не больше, чем в случае любого другого откровенного захвата, например, грабительского отобрания у вас на улице шубы. По задержании грабителя с вашей шубой, милиция в порядке ст. 67 УПК при отсутствии сомнений в принадлежности шубы именно вам немедленно вернет ее по принадлежности. И это совершенно правильно, потому что оставить грабителя щеголять в шубе, добытой преступлением, впредь до вхождения будущего уголовного приговора с удовлетворением вашего гражданского иска в законную силу, было бы слишком дерзкой насмешкой над правосудием.

Все это ясно в случае с шубой, но почему-то перестает быть ясным в случае с квартирой. А между тем, с точки зрения общественной безопасности, гораздо важнее быстрое восстановление преступно попиравших прав квартирных, чем каких-либо иных, хотя бы по одному тому, что шубу на худой конец можно купить и другую, а квартиру не купить.

Эту неясность, вернее, недомолвку закона, пыталась исправить практика обязательных постановлений губисполкомов.

Так, Донской окружной исполнительный комитет в своем обязательном постановлении от 3 сентября 1925 г. (вернее,

в инструкции к обяз. постановлению) устанавливает следующее:

«лица, самовольно вселившиеся, подлежат выселению в административном порядке по требованию домоуправления или заинтересованного лица, если ходатайство об административном выселении самовольно вселившегося возбуждено перед административным отделом ДИК'а в течение 3 дней со дня фактического самовольного вселения».

Следует, правда, сказать, что в июле с. г. Донисполком отменяет приведенный параграф, почему и на территории Донского округа в случаях самовольного вселения пострадавших остается обращаться лишь в судебном порядке. Несмотря на краткость протекшего после этой отмены периода времени, мы все же можем сказать, что случаев самовольного вселения с момента отмены административного порядка выселения стало значительно больше, и этот рост не останавливается и ныне. Доходит до того (и это нужно, конечно, поставить в связь с ростом хулиганства), что в единственную комнату рабочего и его жены вламывается парочка и остается жить в этой комнате. В результате безуспешных обращений пострадавших в милицию с ходатайствами о выселении захватчиков первоначальные жильцы оказываются вынуждены сами выселиться из квартиры, чтобы спастись от «нашествия иноплемennых».

Другой факт из той же ростовской жизни: по объявлению о продаже мебели в квартиру является целая семья, которой квартирка приглядывается: «покупатели» остаются на жительство и т. д. и т. д.

О роли милиции в этих случаях мы говорили в начале статьи. Роль ее в этих случаях обычно поневоле сводится к тому, что кто-либо поактивнее из домоуправления пытается силой выдворить захватчика, а подоспевший милиционер обязан по долгу службы оградить последнего от физического воздействия и защитить его от «незаконного выселения».

Таким-то образом узаконивается злостное беззаконие; социально-опасное явление находит себе защиту и создает серьезную угрозу, в частности, делу нового жилищного строительства, отнимая у застройщика гарантию свободного распоряжения выстроенной площадью.

— Но суд,—скажут нам—ведь суд не будет потакать квартирному бандитизму?

Да, конечно. Но суд по самому существу своему, а суд гражданский тем более, не может быть молниеносным. Здесь же именно и нужно молниеносное противодействие захвату, хотя бы для того, чтобы захват этот потерял свой интерес, даже кратковременный интерес.

Правда, сейчас принимаются специальные меры к изжитию судебно-квартирной волокиты: издано пост. СНК РСФСР «об упорядочении работы судов в области жилищных дел» от 13 сентября 1926 г.

Декрет этот в борьбе с волокитой устанавливает обязательные сроки для рассмотрения поступивших жилищных дел: 2 недели—для суда первой инстанции и 1 месяц—для суда кассационного.

Отметим попутно, что установление обязательного срока для рассмотрения судом первой инстанции жилищных дел не является новостью: в декрете от 9 января 1924 г. (инструкция по выселению граждан из занимаемых ими помещений), ст. 1, то же устанавливалось, что «все дела о выселении граждан рассматриваются народным судом в течение двухнедельного срока по предъявлении иска».

Итак, две недели на рассмотрение иска и выселение судом первой инстанции—именно этот самый срок давался уже однажды, примерно, 3 года тому назад. Практика этих трех лет заставила нас быть в этом отношении до некоторой

степени скептиками: не так-то просто заранее устанавливать срок прохождения дела.

Такой срок легко может притти в столкновение с требованиями-гарантиями ГПК: вызов свидетелей для установления важных обстоятельств, невручение повесток сторонам и другие законные причины могут вызвать отложение дела и затяжку его на срок больший, чем две недели со дня предъявления иска. И это—не имея в виду загруженности наших судов; а если принять во внимание еще и эту загруженность...

Но вот представим себе, что жизнь на этот раз впитает законные сроки прохождения дел. Изменит ли это в чем-либо наше основное положение: неприемлемость для рассмотрения дел о самовольных вселениях судебного порядка?—Ни в какой степени. Счет времени очень прост: 2 недели на прохождение дела в нарсуде, месяц на кассационную инстанцию, итого полтора месяца. Прибавим сюда неделю, нужную для путешествия дела обратно в нарсуд, где истцу будет выдан исполнительный лист (неделя воята минимально; в иных случаях, при отдаленности губ. города от нарсуда, постановившего решение, срок этот может, oh как, вырасти!) Далее полученный лист нужно предъявить судебному исполнителю, а этот последний обязан предоставить выселяемому некоторый срок на добровольное выселение (ст. 260 ГПК). Другими словами, даже теоретически мысля, мы меньше, чем в два месяца, никак не можем исчислять срок, потребный для судебного выселения захватчика, при чем должны оговориться, что практически считаем этот срок невозможным, невыполнимым и что в действительности для выселения потребуются не менее 3 месяцев, а в отдельных случаях (например, кассация первоначального решения) месяцев 5 и больше.

Итак, захватчик может быть совершенно спокоен за участь своей квартиры никак не меньше 2 месяцев; в действительности же он за нее спокоен, и не без основания, на срок значительно больший: захватчики всех рангов обыкновенно люди достаточно понаторевшие в делах и обычаях судебных.

Такое положение не может быть признано нормальным и должно быть немедленно коренным образом изменено в смысле установления института административного выселения лиц, самовольно (неправомерно) вселившихся.

Закон об административных выселениях (от 14 июня с. г.) делает в этом отношении частичный шаг вперед, устанавливая санкцию административного выселения лиц, занявших без разрешения муниципализированную дачу. Мы уже указывали выше чисто исторический характер происхождения этого закона, повторяющего декрет 1923 г.; иначе, как мы также указывали уже, было бы просто непонятно упоминание об этом специальном и, вероятно, не слишком частом случае без упоминания о неправомерном занятии также и иных помещений.

Однако, этого незначительного шага еще мало; совершенно необходимо дополнить упомянутый закон установлением такого же административного выселения вообще для всех лиц, неправомерно вселившихся, и притом из всякого рода помещений. Нам не приходится бояться, что на этой почве мы открываем путь злоупотреблениям и тем самым умалим жилищные гарантии населения; декларируемое законом 14 июня с. г. право каждого гражданина обжаловать постановление об административном выселении местному прокурору с одновременным предоставлением последнему приостанавливать своей властью такое выселение является вполне достаточной гарантией против попыток использовать новый закон в смысле каких-либо «уклонов». К тому же боязнь таких «уклонов», правильное, извращений воли законодателя, никогда не должна запугивать нас и свя-

ывать естественное приспособление закона к требованиям жизни. А требование жизни здесь очевидно: уничтожить вредную сантиментальность в отношениях к квартирным хищникам.

Г. Ростов-на-Дону.

А. Шамкович.

Исчисление квартирной платы и нагрузка административно-технических работников.

Ст. 12 пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 23/V—26 г. «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» освобождает от учета при исчислении квартирной платы с рабочих и служащих два вида их заработка: 1) сверхурочный приработок и 2) специальную нагрузку лиц, получающих оплату труда по тарифу ответственных работников. Казалось бы, что вопрос, поставленный настоящей статьей, достаточно ясен, и может быть разрешен только в положительном смысле, ибо, поскольку закон говорит только о нагрузке лиц, получающих оплату труда по тарифу ответственных работников, следует логический вывод, что нагрузка всех остальных работников, идущих по общему тарифу, устанавливаемому коллективным договором, должна учитываться при исчислении квартирной платы. Но к совершенно иному выводу должны мы прийти, установив существенное отличие между нагрузкой ответственных работников и нагрузкой административно-технических работников и в их отношении к понятию «сверхурочный приработок».

На основании прим. к ст. 94 КЗоТ в пост. НКТ СССР от 31/III—25 г. № 94/509 («Изв. НКТ» № 17—1925 г.) перечислены категории ответственных работников, труд которых не ограничен временем, установленным в ст. 94 КЗоТ, и оплата труда которых производится по специальному тарифу. Поскольку труд ответственных работников не ограничен нормальным рабочим временем, с их стороны не может иметь места производство работы сверх нормального рабочего времени, т.е. в сверхурочное время, и нагрузка ответственных политических работников, которые по характеру исполняемой работы принуждены выполнять работу во внеслужебное время, являясь, по точному выражению ст. 2 указанного выше постановления, дополнительной надбавкой к их основному окладу, не является сверхурочным приработком и существенно отличается от последнего по своей природе. Отсюда становится понятным, почему законодатель говорит отдельно о нагрузке ответственных и сверхурочном приработке.

Сверхурочный приработок суммируется из различных видов вознаграждения административно-технического работников за работу сверх нормального рабочего времени. Согласно ст. 60 КЗоТ, размер вознаграждения за работу в сверхурочное время должен быть указан в договоре особо, при чем ни в этой статье, ни в других статьях КЗоТ нет указаний о каком-либо обязательном виде оплаты сверхурочной работы. Определяемый этой статьей полуторный размер вознаграждения за первые два часа и двойной за последующие часы является только минимумом оплаты за работу в сверхурочное время, но не требованием обязательной почасовой оплаты. Таким образом, почасовая оплата является только одним из видов оплаты за работу в сверхурочное время, при чем закон не запрещает устанавливать в договоре и другие виды оплаты и компенсации сверхурочной работы. Так, одним из видов компенсации, устанавливаемым трудовым или коллективным договором, за работу в сверхурочное время является предоставление соот-

ветствующего числа часов отдыха в другие дни в рабочее время при условии соблюдения 42-часового непрерывного еженедельного и праздничного отдыха (пост. НКТ СССР 4/IX—26 г. № 194/523).

Нагрузка административно-технических работников также является одним из видов вознаграждения за работу в сверхурочное время, при чем этот вид вознаграждения устанавливается в договоре преимущественно в отношении тех должностей, работа которых сверх нормального рабочего времени не падает на учету.

На Украине процентная надбавка за неучтенный труд, т.е. нагрузка, допускается только в отношении определенных категорий работников, и притом только в тех случаях, когда условия работы делают применение труда сверх нормального рабочего времени неизбежным (пост. НКТ УССР 7/VI—24 г. № 341). У нас же специального постановления НКТ о порядке установления процентных надбавок за неучтенный труд пока нет. Имеется несколько постановлений НКТ СССР, допускающих установление нагрузки в отношении определенных должностей, как-то: работников некоторых категорий на сырьевых пунктах, льно- и пенькозаготовительных пунктах, с ненормированным рабочим днем на транспорте и проч., при чем согласно всех этих постановлений нагрузка дается только за работу сверх нормального рабочего времени, т.е. за сверхурочную работу. Жизнь же выдвинула целый ряд должностей, труд которых требует систематической сверхурочной работы, таковую по характеру работы данной должности невозможно или трудно учесть, в связи с чем нагрузка, как вид оплаты за сверхурочную работу, нашла себе довольно широкое применение.

Общее в нагрузке ответственных и нагрузке административно-технических работников заключается в единственном признаке—форме вознаграждения, т.е. процентной надбавке к твердому месячному окладу. Существенное же отличие в том, что нагрузка ответственных, как дополнительная надбавка, не являющаяся вознаграждением за сверхурочную работу: 1) выдается руководителем учреждения без разрешения инспекции труда, 2) не должна гарантировать минимум, установленный ст. 60 КЗоТ, и 3) обязует ответственного работника работать неограниченное время. Нагрузка же административно-технических работников: 1) должна регистрироваться инспекцией труда, таковую регистрацию, в соответствии со ст. 104 КЗоТ, необходимо рассматривать как разрешение инспекцией труда производства сверхурочной работы по данной должности, и 2) должна гарантировать минимум, установленный ст. 60 КЗоТ, т.е. сохраняет за работником право на получение разницы между стоимостью фактически произведенной сверхурочной работы и размером установленной нагрузки, если последняя не компенсирует полностью произведенной сверхурочной работы при возможности ее учета.

Таким образом, преобладающее толкование, что нагрузка административно-технических работников должна учитываться при исчислении квартирной платы, поскольку в законе говорится только о нагрузке ответственных, является, по нашему мнению, неправильным, ибо такое толкование основано на чисто внешних признаках—схождении терминов и формы вознаграждения. При более же глубоком анализе мы должны прийти к выводу, что нагрузка административно-технических работников является одним из видов оплаты за работу в сверхурочное время, является сверхурочным приработком и, как таковая, не должна учитываться при исчислении квартирной платы с рабочих и служащих. К такому выводу мы должны прийти тем более, что, вследствие невозможности учета сверхурочной работы нагрузочника, нагрузка не всегда гаран-

тирует минимум, установленный ст. 60 КЗоТ, и рабочие и служащие, получая ничтожную нагрузку, часто работают неограниченное время и тем самым поставлены в смысле оплаты в гораздо худшие условия, чем рабочие и служащие, получающие почасовую оплату сверхурочной работы, освобождение сверхурочного приработка которых от учета при исчислении квартирной платы не вызывает сомнения.

Наблюдающиеся же в практике случаи неправильной выдачи нагрузки с целью повышения зарплаты и за интенсивность работы, как незаконные выдачи, конечно, не изменяют сущности нагрузки, как одного из видов сверхурочной оплаты; в указанных случаях наймодателю предоставляется общее право доказывать в суде, что нагрузка не является в данном случае сверхурочным приработком, и требовать ее учета при исчислении квартирной платы.

Точно также неправильным является, по нашему мнению, толкование, что нагрузка административно-технических работников есть процентное вознаграждение, устанавливаемое в дополнение к их твердой ставке, которое согласно ст. 12 указанного выше пост. ВЦИК и СНК учитывается при исчислении квартирной платы. Процентное вознаграждение имеет определенное содержание, отличное от нагрузки: оно выдается известным категориям торговых служащих сверх основной зарплаты и поставлено в зависимость не от количества часов работы, а от интенсивности и продуктивности труда служащих, от продажи сверх нормы, от рода проданных товаров, от уменьшения организационных и накладных расходов и т. п. (пол. НКТ и НКВпутьторга от 5/II—26 г. № 39/507—«Изв. НКТ» № 10—1925 г.). К процентному вознаграждению необходимо отнести также премиальное вознаграждение, выдаваемое административному и техническо-хозяйственному персоналу гос. предприятий и объединений, сотрудникам сыпных пунктов, уголовного розыска, лесной стражи и др.

Специальный вопрос, послуживший темой настоящей статьи, затрагивает интересы обширной группы рабочих и служащих и настоятельно требует компетентного разрешения.

Г. Ростов н/Д.

П. Таршис.

Новый закон о рабочих поселках.

Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 15 сентября 1924 г. «Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках» («С. У.» 1924 г. № 73, ст. 726) все населенные пункты РСФСР, за исключением дачных, рабочих и курортных поселков, разделяются на две основных категории: городские поселения и сельские поселения. Указанное положение подробно определяло те признаки, при наличии которых населенные пункты причислялись к разряду городских поселений, сельскими же поселениями признавались те населенные пункты, которые не удовлетворяли признакам, достаточным для образования городских поселений.

Что же касается рабочих, дачных и курортных поселков, то они по упомянутому положению составляют специальные категории населенных пунктов; их общее правовое положение (порядок землепользования, управления, взимания ренты и т. п.), равно как и признаки, на основании которых населенные пункты могут быть отнесены к категории дачных, рабочих и курортных поселков, определяются особыми положениями.

27 сентября т. г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили эти особые положения только в отношении рабочих и дачных поселков. Положение о курортных поселках до сего времени находится еще в стадии согласования.

Предметом настоящей статьи является обзор только что принятого законодательными органами положения о рабочих поселках.

Согласно ст. 1 пол. о рабочих поселках, населенные пункты, расположенные вне городской черты, в том числе на землях специального назначения, закрепленных за учреждениями, а также за государственными, кооперативными, концессионными и частными предприятиями, могут быть признаны рабочими поселками при условии, если количество взрослого населения в таковых не менее 400 человек, при чем для большинства населения (в числе не менее 65%) основным источником существования является заработная плата. Имея в виду наличие своеобразных местных условий, закон допускает возможность признания в качестве рабочих поселков и других населенных пунктов, полностью не отвечающих указанным признакам. Такое признание может последовать лишь в порядке возбуждения об этом особого ходатайства со стороны заинтересованных исполнительных комитетов (не ниже окружного и уездного) и удовлетворения этого ходатайства Президиумом ВЦИК.

Земли, занятые рабочими поселками, а также необходимые для организации новых рабочих поселков, отводятся поселкам в порядке, установленном для отвода земель городам ст.ст. 144—146 Зем. Код. и инструкциями НКЗема и НКВД, издаваемыми на основании ст. 153 Зем. Код. Порядок же включения в черту рабочих поселков земель, закрепленных за ведомствами, определяется по соглашению этих ведомств с соответствующими ЦИКами автономных республик, областными комитетами авт. областей, крайвыми, областными и губ. исп. комитетами. Равным образом, земельные отношения в рабочих поселках, а также вопросы планировки земель, определяются в соответствии с положением о земельных распоряжках в городах («С. У.» 1925 г. № 27, ст. 188).

Утвержденный закон устанавливает, что в рабочих поселках на общих основаниях образуются советы, действующие на основании пол. о городских советах. По точному смыслу этого постановления, во всех рабочих поселках должны быть образованы городские советы, между тем как ст. 1 пол. о городских советах допускает образование в некоторых не только рабочих поселках, но и городах с небольшим населением сельские советы. Несомненно, точнее было бы сказать, что в рабочих поселках образуются городские советы в соответствии со ст. 1 пол. о городских советах.

Последнее соображение еще более подтверждается следующей, ст. 5 пол. о рабочих поселках, которая говорит о том, что «советы рабочих поселков, образованные согласно положения о городских советах, имеют самостоятельные бюджеты, составляемые и утверждаемые в установленном порядке». Следовательно, ст. 5 допускает существование и таких рабочих поселков, в которых советы будут образованы не на основании положения о городских советах, а на основании положения о сельских советах. Это вполне соответствует и местной практике, так как по отдельным разрешениям Президиума ВЦИК согласно ходатайств местных исполнительных комитетов в рабочих поселках с незначительным пролетарским населением и при отсутствии коммунального имущества учреждались и действуют в настоящее время сельские советы на общих основаниях.

Ст.ст. 6 и 7 положения касаются вопросов проведения на территории рабочих поселков с городскими советами гос. налогов и сборов, а также введения в таких поселках местных налогов и сборов и надбавок в местные средства к государственным налогам и сборам. Поскольку в рабочих поселках действуют городские советы, постольку само собою разумеется, что эти городские советы действуют на

основании положения о городских советах и вправе наблюдать за правильностью проведения на территории поселка гос. налогов и сборов, а равно самостоятельно устанавливать и взимать городские налоги, сборы и надбавки к государственным налогам, в соответствии с п.п. «б», «в» и «г» ст. 24 положения о городских советах. Таким образом, в рабочих поселках, в которых образованы те городские, а сельские советы, естественно, не могут быть вводимы городские налоги.

Земли, занятые рабочими поселками в пределах селитебных площадей, равно как и площадей, обслуживающих сельскохозяйственные нужды населения, освобождаются от взимания ренты. В этом отношении рабочие поселки находятся в особо благоприятных по сравнению с городскими поселениями условиях; в последних земельные участки, обслуживающие находящиеся на них национализированные и частновладельческие строения, предоставляются соответствующим гос. органам и собственникам строений в пользование, с соблюдением законов о земельной ренте и правил городского благоустройства. Такие льготы в отношении земель рабочих поселков в значительной степени облегчают застройку последних как жилыми строениями, так и торгово-промышленными заведениями и предприятиями.

На рабочие поселки, в которых образуются городские советы, распространяются все законодательные постановления об оплате жилых помещений в поселениях городского типа. Равным образом, и все строения, муниципализированные в установленном порядке на территории рабочих поселков, в которых образованы городские советы, составляют муниципализированный фонд городских советов. В состав этого фонда могут входить также национализированные жилые постройки, передаваемые совету рабочего поселка по соглашению с соответствующим ведомством, учреждением или предприятием.

Согласно утвержденного закона, списки рабочих поселков составляются ЦИК'ами авт. республик, краевыми, обл. и губ. исп. комитетами и утверждаются Президиумом ВЦИК, по представлению Административной комиссии ВЦИК. Порядок составления списков существующих и вновь возникающих рабочих поселков и сроки представления этих списков устанавливаются Административной комиссией ВЦИК.

С изданием закона о рабочих поселках будут окончательно урегулированы все имеющиеся в настоящее время неясности и недоразумения в этой области.

А. Золотаревский.

Судебная и административная милиция*).

Наша милиция и следственный аппарат организованы до того нецелесообразно, непрактично, что положительно надо удивляться, как Советская власть до сих пор не предприняла никаких шагов для коренного их преобразования.

Органы милиции—наиболее тесно соприкасающиеся с населением органы власти, и им давно бы пора придать другую организацию, которая сделала бы их более полезными для населения.

Расследования по преступлениям, как известно, проходят (по целой категории дел) две инстанции: «дознание» и «предварительное следствие»—деление, давно уже отжившее и потерявшее всякое практическое и даже разумное

основание (как-будто характер, методы и цели расследования преступлений различны!). Но такое ненужное деление, перешедшее от старого строя, приносит много вреда для живого дела. Получается неизбежная волокита, двойная работа над одним и тем же, так как от органов милиции или уголовного розыска дела в указанных случаях переходят к нарследователю, который вновь повторяет ряд следственных действий, вновь избирает меру пресечения, вновь допрашивает обвиняемого (обязательно) и свидетелей и пр. и пр., если не воспользуется ст.ст. 109 или 385 УПК и не «придает актам дознания «силы актов следствия» (довольно странное противопоставление «сил» *). Все это, конечно, без нужды затягивает дела нередко на целые месяцы, а бывают случаи и на годы, при полной невозможности со стороны нарследователя добыть новые данные для выяснения дела, так как нарследователь завален этими дознаниями, направляемыми ему в порядке ст. 105 частью на прекращение, частью для производства следствий.

И, действительно, может ли нарследователь, лишенный всяких технических средств для производства расследований, не имеющий никаких помощников, не считая, конечно, делопроизводителя, который ведет лишь канцелярскую работу (состоящую, главным образом, в снятии бесконечных копий для наблюдательных производств пом. прокурора)—тоже наследие старой канцелярщины, превращавшей всякое живое дело в бумажное **)—может ли нарследователь раскрыть преступление, найти виновного, если милиция не нашла или не пожелала пайти такового. Ясно, что нет. Откуда и каким образом он может найти виновного, раскрыть преступление? Он в своей «камере» один, заваленный «бумажными делами», он не знает и не может знать своего участка с уголовной стороны; у него не сосредоточены сведения и не регистрируется преступный элемент участка, и вообще он лишен самых элементарных технических средств, какие создала уголовная техника последнего времени. В этом отношении он поставлен в еще более худшее положение, чем уголовный розыск. Перо и чернила—вот все его технические средства для производства следствий, которые поэтому он ведет в совершенных потемках, ощупью, и то, что дает ему милиция, обыкновенно и составляет весь материал по делу. Неужели одно наименование его нарследователем достаточно для того, чтобы сделать его волшебником, одного прикосновения пера которого к дознанию довольно, чтобы «придать последнему силу следствия»?

Ясно, что вся его работа сведется к новому нагромождению бумаж. Немудрено поэтому, что громадный процент следствий при такой постановке дела идет на прекращение в силу ст. 202 УПК, «в виду необнаружения виновного или в виду недостаточности собранных по делу доказательств для предания суду».

Для чего, спрашивается, такой нарследователь? Приносит ли он и может ли приносить пользу для населения в борьбе с преступностью? Нет. Этот орган в том виде, в каком он существует, совершенно бесполезен и требует коренной реорганизации, чтобы из бесполезного стать полезным и чтобы крайне неудачная редакция ст. 202, п. 2, УПК изменила бы свой характер, а дела получили бы, наконец, необходимую «достаточность и полноту собранных доказательств».

*) Законодатель нигде затем не поясняет, какая именно разница „в силах“ между „следствием“ и „дознанием“ и в чем конкретно эта разница выражается. Д. В.

**) О наблюдательных производствах в нашей юридической литературе были уже обстоятельные статьи, и этот вопрос уже подлежит обсуждению. Д. В.

*) Печатается в дискуссионном порядке. Редакция

С другой стороны, достаточно ли целесообразно организована у нас милиция и уголовный розыск, и могут ли они выполнять возлагаемые на них обязанности? Тоже нет. А ведь этим органам при их недостаточной подготовке и даже малой грамотности поручаются серьезные дела (кооперативные, служебные, «газетные» и пр.). Можно ли требовать от малограмотных людей, чтобы они произвели толковое расследование по делам, требующим не только больших знаний в области законодательства, но и большого умения разбираться (хотя бы с экспертами) в хозяйственных и торговых операциях нашей хромающей кооперации. Немудрено поэтому, что суд, имея такой материал, в большинстве случаев становится в тупик, не зная, как выйти из данного дела.

Можно ли также требовать от людей, далеко еще не воплотивших идеала беспристрастных работников, чтобы они у себя в волюсти объективно и беспристрастно производили расследования по делам, которые являются болячками нашей общественной жизни и становятся достоянием печати? А ведь во всех этих делах они работают совершенно бесконтрольно, так как свои дознания на прекращение они направляют к следователю, который, имея у себя массу своих дел, не может войти в проверку каждого дела или, говоря практическим языком, не стремится плодить у себя дел и пишет лишь коротенькие постановления о прекращении дела или о его направлении.

Вместе с этим необходимо отметить, что наша милиция, в особенности ее пиковые работники, не имеющие никакой подготовки, слабо знает свои обязанности. И трудно от нее этого требовать. На милицию возлагается такая масса как административных, так и судебных обязанностей (в виде подготовки дел для слушания на суде), что знать, как выполнять их в строгом соответствии с законом, едва ли возможно.

Таким образом, мы имеем три органа, производящие расследования по преступлениям (милицию, уголовный розыск и следователей), которые вместо того, чтобы быть соединенными в один орган для более целесообразной деятельности, для уменьшения ненужной волокиты и для более быстрого расследования дел, разобщены друг от друга, действуют отдельно, независимо, вследствие чего получается двойная, а иногда и тройная работа об одном и том же, вместо того, чтобы быть работой одного соединенного органа, называемого «судебной милицией».

О настоятельной необходимости реорганизации милиции в этом направлении и разделения ее на судебную и административную уже давно высказывались в юридической литературе не только современной, но и прошлой, но при старом строе каждая реформа, особенно коренная, и проведение ее в жизнь по всей территории России были чрезвычайно затруднительны.

Нам необходимо сейчас совершить преобразования в этом направлении; для проведения такого рода реформы обстановка в настоящее время вполне благоприятная. В чем же суть реформы?

При делении милиции на административную и судебную, административная милиция, с компетенцией во главе, ведала бы исключительно административной деятельностью (наблюдение за внешним порядком и другие многообразные функции чисто административного характера).

Судебная же милиция, с преследователем во главе, имела бы чисто судебные функции, в виде производства следствий и подготовки дел к слушанию на суде.

Она объединила бы в один орган действующие теперь отдельно: следственные органы (преследователи уезда с их канцеляриями, часть ст. следователей, уголовный розыск и тех работников милиции, которые производят теперь дознание). Таким образом, у преследователя были бы помощники и агенты (готовый кадр указанных органов), действующие по его указаниям и находящиеся под его непосредственным наблюдением и руководством.

Это было бы достаточной гарантией против упущений милиции.

Никакого ненужного деления расследования на «дознания» и «предварительные следствия» ясно не было бы. Это немое и искусственное деление старого судопроизводства отпало бы само собой. Было бы одно «следствие» как по крупным, так и по мелким преступлениям, вследствие чего не было бы ненужнейшей волокиты от передачи дела из одних рук в другие и бесопечных повторений одного и того же.

Нечего говорить, что при таком устройстве судебной милиции следствие велось бы по горячим следам непосредственно после совершения преступления, а не через несколько месяцев когда оно за давностью теряет всякий живой характер и превращается в «бумажное дело».

Такое следствие заключалось бы в немногих листах, а не в тех томах, которые представляют собою пагромождение бумаг, написанных в милиции, в уголовном розыске и на следствии. А это значительно облегчило бы работу прокуратуры, суда и защиты, которым приходится тратить немало времени, чтобы разобраться среди этих томов и извлечь из них то немногое, что составляет суть дела.

В камере-бюро такого преследователя были бы сосредоточены все необходимые сведения о преступном элементе участка, и он был бы во всеоружии той техники, какую создала уголовно-розыскная практика последнего времени. Это, несомненно, сделало бы работу более продуктивной.

Руководя своими помощниками и агентами и поручая им (сообразно их способностям) те или иные дела, преследователь давал бы правильное юридическое обоснование предъявляемого обвинения, утверждал бы меру пресечения, скреплял бы постановления об обысках, арестах, выемках и пр. следственных действиях.

Преследователь следил бы за правильным составлением обвинительного заключения и за правильным направлением дел на прекращение.

Наконец, такая организация со включением юридического элемента в лице преследователя в состав судебной милиции (что в ближайшее время представится вполне возможным) значительно способствовала бы поднятию среди населения авторитета этого учреждения.

Судебная милиция, конечно, всецело бы находилась в ведении Нар. Ком. Юстиции и от него лишь получала бы руководящие указания для своей деятельности. Поэтому практические неудобства, происходящие от подчинения милиции как органам НКЮ, так и органам НКВД, отпали бы.

Что же касается финансовой стороны, о которую тоже разбивалось немало назревших реформ, то надо полагать, что такая реформа едва ли вызвала бы увеличение расходов на содержание милиции, вообще, и судебной, в частности, так как реформа эта, в сущности, сводится к объединению трех органов, производящих ныне расследования по преступлениям, в один орган в целях более правильной их деятельности, а такое объединение (да еще при сокращении числа преследователей на уезд и числа ст. следователей при губ. судах) могло бы дать даже сокращение

расходов. Одновременно с этим и административная милиция, освобожденная совершенно от судебных функций, могла бы быть несколько сокращена.

Д. Водопьянов.

Г. Новозыбков Гомельской губ.

Роль и задачи инструкторско-ревизионного отделения губсуда.

I.

За последнее время на страницах «Е. С. Ю.» появляются статьи, поднимающие вопрос о необходимости реорганизации работы инструкторско-ревизионных отделений губсуда. Однако, посвященные этому вопросу статьи в большинстве своем обсуждают его в пределах установившейся фактической работы ИРО, не давая конкретных указаний, новых путей или новых форм желательной реорганизации ИРО, выполнение которых отвечало бы назначению этого аппарата и способствовало бы развертыванию его работы.

В ст. тов. Переверзева, помещенной в 28 «Е. С. Ю.», автором дается законченная по содержанию и организационной структуре ИРО, но, к сожалению, намеченная схематично работа по существу ничего нового не дает, а содержит суммирование тех функций, которые в той или иной степени в настоящее время уже выполняются инструкторским отделением губсуда, выливаясь почти исключительно в письменное инструктирование.

По мнению автора, ИРО лишено самостоятельной работы, а работники ИРО при существующих условиях обратились в казенно-чуждых жизни судработников, будучи погружены исключительно в бумажную работу, в бумажное инструктирование путем выработки циркуляров, наказов, директивных писем. В то же время автор никаких новых живых форм работы ИРО не указывает, а намечает пути к усилению работы ИРО почти исключительно по линии усиления всякого рода бумажного учета, выработки, планирования, суммирования и т. п. кабинетных занятий. Без сомнения, это большие и необходимые функции ИРО, но усиление этих работ ничуть не оживит ИРО.

Для действительного выполнения задач, соответствующих назначению ИРО, в основу всей работы должно быть положено непосредственное, личное инструктирование судебных работников через инструкторов-практиков. При каждом губсуде должен быть постоянный, основной кадр, в числе 2—3 инструкторов, которые бы могли в течение всего года, по неделе-две инструктировать каждого судью на практике, работая с ним в судебных и распорядительных заседаниях и в канцелярии по приему и подготовке к слушанию дела, а также и по исполнению приговоров и решений.

Преимущество такого инструктирования неоспоримо и до очевидности необходимо, в особенности для начинающих судей. Напр., нередко гражданское дело по 5—6 раз откладывается только потому, что судья не считает нужным ознакомиться с содержанием искового прошения при его подаче и не разъясняет своевременно сторонам о представлении необходимых доказательств, представление которых требуется от сторон только при начале процесса и влечет отложение дела. Или порядок ведения процесса, допрос сторон и свидетелей, составление протоколов судебных заседаний по делу: большинство судей еще не уснует, что именно нужно заносить в протокол, как и для чего, а этому можно научиться только в процессе работы.

При выполнении такого систематического инструктирования совместно с ревизионным уклоном отпадает необходимость и в проведении ежегодных, дорого стоящих плановых обревизований в комиссионном составе.

Вот основные инструктивные формы работы ИРО.

Вторая, не менее важная работа ИРО—это учет и выявление недостатков судебной работы суд. работников при кассационном обжаловании приговоров и решений нар. судов.

Этот учет может быть полным и всесторонним только при том условии, если зав. ИРО или его заместитель будут непосредственно в курсе работы кассационных отделений, входя в состав кассационного суда, т.-е. будут участвовать в судебных его заседаниях и непосредственно обозревать производство нар. суда, так как учет одних определенных кассотделений даст очень мало.

Только при участии в составе кассационного суда работники ИРО могут выливать линию кассационной практики, сделать характеристику каждого судработника и использовать результаты кассационного опыта во всем объеме.

Третьей и основной задачей работы ИРО должна быть организационная работа по организации съездов и совещаний судебных работников, юридических кружков. Коллективная проработка вопросов судебной практики в ИРО, кроме достижения живой связи и усвоения голоса мест, будет способствовать установлению единой линии карательной политики, единого понимания законов и законодательных разъяснений и толкований.

Выполнение перечисленных трех основных функций ИРО и создает то основание, на котором должна строиться вся письменная, инструктивная, ревизионная и информационная работа ИРО, перечисленная т. Переверзевым.

Ясно, что при развертывании ИРО в этих трех направлениях центр тяжести основной работы переносится в плоскость живой инструкторско-ревизионной работы, которая выдвигает перспективы дальнейшего развития, а техническая работа должна отодвинуться уже на второй план.

Зам. судья Тихановский.

г. Кострома.

II.

В статье «О роли и значении инструкторско-ревизионного отдела губсуда» («Е. С. Ю.» 1926 г. № 28) т. Переверзев набросал схему деятельности этого отдела, которая, по его мнению, должна удовлетворять требованиям настоящего момента. Возлагая существенную работу отдела на запасных судей, числом не более 4—5, т. Переверзев в конце прибавляет: «кроме того, ИРО обслуживается известным количеством технических сотрудников, положенных по штату».

По поводу этой статьи хотел бы поделиться некоторыми мыслями, проверенными мною на опыте. Прежде всего, о запасных судьях губсуда.

Не обладая необходимой подготовкой, эти судьи по знаниям и практической опытности немногим отличаются от нарсудей. Следует даже сказать, что последние, непрерывно исполняя судебскую работу, приобретают в этой работе огромный опыт. Поэтому возложить на запасных судей инструктирование нарсудов едва ли целесообразно. Имея указания председателя губсуда, эти судьи могут с успехом руководить внешней, технической стороной инструктирования и ревизии, и в этом отношении работа их представляется весьма важной и полезной.

Что же касается самого существа инструктирования и ревизии нарсудов, то тут необходимы высококвалифицированные работники, основательно знающие наши кодексы и умеющие ориентироваться в целой массе комментариев и циркуляров НКЮ, Верховуда и губсуда. Это дело очень сложное и трудное, ибо одолеть этого колоссальный материал не всегда удастся и опытному юристу. Недаром т. Переверзев указывает, что заведующим ИРО должно быть назначено такое лицо из членов губсуда, которое является сведущим в области права, обладающим достаточными знаниями и организационно-инструкторским опытом.

Здравый смысл нарсудей и сознание революционной законности помогает им весьма часто выходить с успехом из встречающихся в их судейской практике затруднений, однако, результаты ревизий и огромное количество запросов с мест о толковании той или иной статьи закона и о порядке разрешения тех или иных вопросов права показывает, что инструкторско-ревизионные отделы при губсудах должны вести колоссальную и весьма ответственную работу.

В этом отношении поучительный пример представляет один из крупных губсудов Северо-Западной области. В инструкторско-ревизионном отделе этого суда, по мысли его председателя, сосредоточены специалисты по всем отраслям права. Хотя они считаются техническими сотрудниками, но инструктирование и ревизия производятся ими совершенно самостоятельно, под наблюдением того или иного члена губсуда, большей частью во время выездных сессий последнего. В отделе имеются инструктора-специалисты по вопросам административного, трудового, процессуального и материального гражданского права, такие же специалисты в области уголовного права и процесса, предварительного следствия и т. д. Ежегодно подвергаются ревизии все судебные-следственные органы города и губернии, и если сравнить акты ревизионных комиссий последнего года с предыдущими, то совершенствование судов бросается в глаза.

Есть все-таки один крупный недостаток в постановке инструкторско-ревизионной работы. Это — отсутствие единства в порядке инструктирования. Инструкторы не всегда между собой согласны в тех или иных даваемых ими нарсудам разъяснениях, вследствие чего получается иногда разноречивость в инструкторской работе. К сожалению, приходится констатировать, что этот недостаток замечается не только в инструкторском отделе, но и в кассационной инстанции губсуда. нередки случаи, когда губсуд по однородным делам выносит определения противоположные, и тем ставит нарсуды, обязанные соблюдать ст. 248 ГПК, в затруднительное положение.

Не касаясь этого вопроса, который должен быть разрешен в республиканском и даже союзном масштабе, ибо у нас имеется столько кассационных инстанций, сколько губсудов, хочу ограничиться лишь замечанием, что в пределах инструкторско-ревизионной работы губсуда указанный недостаток отсутствия единства возможно было бы смягчить таким путем, чтобы по всем сомнительным вопросам права, возбуждающим разногласие в инструкторской среде, предварительно давая разъяснений нарсудам устраивались совещания инструкторов, направленные к достижению единообразного толкования того или иного закона или согласного разрешения того или иного встречающегося в практике нарсудов вопроса.

А. Р.

Гор. Ленинград.

Отклики с мест.

(Из статей, поступивших в Редакцию).

Вопросы гражданского процесса.

Из ряда статей и заметок по гражданскому процессу, поступивших в «Е. С. Ю.» за последнее время, видно, что судебные работники уделяют большое внимание, прежде всего, вопросам подсудности. Так, напр., нарсудья 4 уч. Малмыжского у. Вятской губ. Оленев, А. В. (выдвиженец из крестьян) пишет:

«...передача дел губсудовской подсудности в нарсуды, укрепляет авторитет таковых, а рассмотрение более важных дел заставляет нас относиться к ним с сугубой осторожностью, подготавливаться к ним, изучать законы и стремиться не делать ошибок...»

Нарсудьи прекрасно понимают задачу гражданского суда: разрешать споры о праве гражданском. Они стремятся расширить подсудности нарсуда за счет освобождения его от несвойственных суду функций, от рассмотрения дел, где нет спора о праве гражданском. Тов. Оленев дальше в своей заметке пишет:

«Одновременно с расширением подсудности нужно освободить нарсудей от многих чисто механических обязанностей; к таковым я отношу: выполнение функций, предусмотренных ст. 210 ГПК, п.п. «а», «б», «е» и «ж», циркуляром НКЮ 1925 г. за № 118 и 1924 г. за № 120, что с успехом может выполнить нотариус простой надписью на соответствующем документе. Признание безвестного отсутствия должно происходить в загсе».

Тов. Оленев находит, что нарсуд вполне справится с делами расширенной подсудности по более серьезным правоотношениям. Он говорит:

«Мнение свое я могу подкрепить тем, что из числа кассированных дел наиболее важные и сложные утверждены, а мелочь, к которой относится не столь серьезно и внимательно, отменяется, т. к. назначается по 8—10 дел в день. Кроме того, нарсудья, рассматривая все время мелкие дела, в конце-концов смотрит на свою работу, как на мелочную, и теряет сознание важного значения судебной работы, как проводника революционной законности».

В конце своей заметки т. Оленев ставит интересный вопрос с точки зрения приближения суда к населению:

«Интересно еще обсудить вопрос о том, чтобы предоставить нарсудам право в порядке главы 9 ГПК выносить определения об обеспечении иска по делам, подсудным губсуду, и в этих случаях принимать искивые заявления, соблюдая при этом, конечно, правила ст.ст. 76 и 83 ГПК, с последующей отсылкой дела в губсуд. В уездах вроде нашего, на расстоянии 300—400 верст от губсуда, нередко от промедления в обеспечении иска истец теряет возможность удовлетворения, а ловкие дельцы этим пользуются».

Тому же вопросу о приближении суда по более серьезным делам к населению посвящена заметка тов. Никитина (гор. Самара). Анализируя обстоятельства двух дел, очень заинтересовавших крестьян (о взыскании убытков за причиненный вред), т. Никитин пишет:

«Вот, примерно, такие дела очень было бы ценно разбирать на месте, т. е. в селах, ибо такие процессы вызывают у крестьян не только интерес к самому решению, но и к процессу, который носит культурно-воспитательный характер. Крестьяне смотрели бы на суд не только как на карательный орган, но и как на защищающий их интересы воспитательный орган... Есть такие дела, в которых рабочие предъявляют через суд иск к администрации завода о возмещении убытков за увечье. Администрация, не признавая иска, старается увечье отнести за счет рабочего, доказывая, что случай произошел по вине самого рабочего. В суде участвует эксперт-инженер, который прежде всего останавливается на том, как нужно обращаться и работать на

станке, объясняет, все ли предохранители были у станка, и т. п. Такие процессы нужно проводить прямо на заводе. Они носят исключительно воспитательный характер для рабочего».

Отдельные заметки с мест уделяют внимание вопросам о судебной пошлине и сборах по гражданским делам. Так, зав. прокуратуры Уралобласти т. **Пономарев** пишет:

«подлежит ли взысканию судебная пошлина с исков об исключении из описи имущества, описанного у лица на удовлетворение иска с другого лица, живущего с ним совместно?».

Тов. **Пономарев** на этот вопрос отвечает следующим образом:

«Имущественный характер таких исков как-будто таков: исключить из описи имущества примерно на 500 руб., потребует 10 руб. суд. пошлины и столько же местного сбора. Предположим, что ходатайство удовлетворено, имущество из описи исключается. С кого же истец должен взыскивать убытки, понесенные по делу, в частности в возврат судебной пошлины, на основании ст. 46 ГПК? Я полагаю, что взыскивать эти убытки неуместно как с судебного исполнителя, производившего опись имущества, так и с того лица, в пользу которого исполняется решение суда. Таким образом, за свое собственное имущество лицо понесло убытки, взыскивать которые не с кого».

Тов. **Васильев** затрагивает вопрос о судебной пошлине по алиментным делам. Он говорит:

«по делам об алиментах, где истец по 43 ст. ГПК освобождается от всяких сборов с возложением их на ответчика, может ли быть обязан истец лично оплачивать все судебные расходы в случае отказа в иске, когда, значит, нет ответчика, обязанного платить, а гражданский процесс платный и неукоснительно требует, чтобы кто-нибудь да оплатил все расходы, перечисленные 35 ст. ГПК?»

Тов. **Васильев** правильно отвечает на поставленный вопрос:

«практика отвечает: нет, потому что истец по алиментам уже по презумпции (предположению. Е. Д.) несостоятелен, а потому и освобожден от судебных расходов ст. 43 ГПК. Проигрыш дела только ухудшает его материальное положение, почему непереносимое взыскание с него судебных расходов по проигранному иску было бы неуместно (несуразностью. Е. Д.)».

Однако, местные финорганы, повидимому, не согласовали своего отношения по вопросам судебных сборов с судебными органами. Поэтому и происходят сомнения у отдельных судебных работников на местах. Тов. **Васильев** пишет по вопросу об обязанности истца по алиментам платить судебные пошлины при отказе ему в иске:

«Обязан (платить),—отвечает финотдел,—потому что истец, проиграв свой иск, доказал, что он не имел права считаться под защитой закона, а потому я не может рассчитывать на его снисходительность к действительно нуждающимся лицам, отыскивающим алименты».

Далее т. **Васильев** затрагивает вопрос о гербовом сборе и спрашивает:

«если в суд поступило ходатайство о признании просителя имущественно несостоятельным для оплаты судебных сборов, и суд отказал ему в признании за ним права бедности, то не обязан ли он оплатить гербовым сбором свое неудачное ходатайство. Также у суда и финотдела два различных и противоположных ответа, базирующихся на разных основаниях: бесспорных требованиях гербового устава и гибких, пропущенных классовым чувством постановлениях кодекса».

Нарсудья 4 уч. Усть-Медведицкого округа Сталинградской губ. т. **Котельников** в своей заметке касается вопроса о рассмотрении гражданского дела в отсутствие сторон согласно ст.ст. 98—100 ГПК.

«Ст. 98 ГПК дает право нарсуду рассматривать дела при неявке сторон, однако, рассмотрение дела возможно при участии одной стороны, но при неявке обеих сторон разбор дела невозможен, т. к. при рассмотрении дела в судебном заседании в большинстве случаев изложен-

ное в исковом заявлении не подтверждается. В подобных случаях суду приходится или прекращать дело или же (смотря по важности спора) откладывать до второго назначения, чем, конечно, создается совершенно лишняя работа».

Далее т. **Котельников** подходит к поставленному им вопросу с точки зрения ст. 2 ГПК. Но и здесь он не находит ответа на выдвигаемые практикой затруднения:

«Ст. 2 ГПК дает право истцу изменить искивые требования или отказаться от иска, но когда нет документов об отказе от иска и истец повестку получил и не явился, как поступить? Прямого указания в законе нет».

Несколько заметок товарищей с мест посвящено вопросам исполнения решений. Нарследователь II уч. Шахт-Донецкого округа **Назаров** спрашивает:

«имеет ли право судебный исполнитель, получающий 57 руб. 75 коп. жалования, взыскивать все предусмотренные таксой сборы при взыскании с осужденного штрафа или конфискации у него имущества?»

Вопросам исполнения в связи с конфискацией имущества посвящена заметка т. **Бермана**. Его интересует вопрос о том, кто должен исполнять приговор о конфискации имущества.

«В органах НКЮ и НКФ существуют различные мнения по поводу целесообразности исполнения приговоров в части приема и реализации конфискуемых имущества. Органы НКЮ полагают, что исполнение этих действий не входит в круг деятельности судебных исполнителей, определенный соответствующими статьями кодексов. Некоторые финорганы, соглашаясь с органами НКЮ, дополняют его соображения следующим:

1) так как конфискация является принудительным безвозмездным отчуждением имущества в пользу государства;

2) так как от быстроты приема и реализации имущества зависит наиболее рациональное его использование и

3) так как необходимо концентрировать в одном месте учет конфискуемых имущества, то таким органом должен быть финансовый аппарат, выполняющий однородные действия по другим видам финансовой работы».

Автор связывает поставленный им вопрос с положениями ГПК по исполнению решений, находя, что часто судебному исполнению одновременно с действиями по конфискации имущества приходится совершать ряд действий по удовлетворению требований различных взыскателей, в порядке ст. 266 ГПК.

Тов. **Васильев** (г. Саратов) ставит следующий вопрос:

«в случае отказа ответчика добровольно уплатить присужденные с него судебные издержки и сборы, вправе ли судебный исполнитель или милиция применить ст.ст. 271—291 ГПК, если этот вопрос предварительно не прошел через стадию публичного разбирательства при самом рассмотрении дела но существу, не внесен в решение, а обнаружился лишь при исполнении решения на месте? Вправе ли исполнитель или милиция производить опись имущества, наложить арест, производить вычеты из содержания и зарплат и пр.?»

Страница практика.

Наши суды и производительность труда

(Влияние судебных процессов на понижение производительности труда).

В принятом постановлении СТО о поднятии производительности труда в промышленности указывается, что временное хозяйственное положение, в частности, те затруднения, какие переживает народное хозяйство Союза ССР, требуют проведения самого жесткого режима экономии, сосредоточения внимания всех ведомств, учреждений и организаций на вопросе о поднятии производительности труда в промышленности.

Основным направлением этой работы должно являться принятие мер к повышению трудовой дисциплины, рацио-

нальному использованию рабочего времени, уплотнению рабочего дня, сокращению прогулов и несвыходов на работу.

Основываясь на директивах Правительства, учреждения и организации проявляют инициативу в этом направлении, но в вопросе о поднятии производительности труда, являющемся актуальным для всех без исключения, надо констатировать, имеются некоторые недочеты, которые, с одной стороны, тормозят правильность и бесперебойность работы производства и тем самым понижают их полезное действие, а с другой, увеличивают непроизводительные расходы, и, след., тяжело отражаются на бюджете государства вообще и отдельных производственных единиц, в частности.

Причины и сущность этих недочетов различны: они частью кроются внутри самого организма предприятия, недостаточном усвоении трудящимися значения полного использования рабочего дня, положенного по Код. зак. о труде, и частью зависят от внешних обстоятельств, лежащих вне влияния хозяйственной воли учреждения.

Не касаясь вопроса о влиянии на понижение производительности труда тех обстоятельств, которые возможно и должно устранять средствами самого хозяйственного аппарата, позволим себе остановиться на одном из внешних обстоятельств, находящемся вне влияния воли учреждения и наметить веки к возможному их устранению.

К таким видам внешних обстоятельств, вредно влияющих на поднятие производительности труда, можно было бы причислить много отдельных моментов, но мы остановимся на более существенном факторе из практики работы наших судебных органов, которые, к великому сожалению, до сего времени недостаточно учли преподанные указания нашего Правительства.

Многим из нас приходилось или быть заседателем в суде, или прямо и косвенно соприкасаться с работой судебных органов и, след., убедиться в том, что, вследствие сохранившихся традиционных распорядков в судебных органах, допускается непроизводительная трата рабочего времени лицами, участвующими в судебных процессах в качестве сторон, свидетелей, экспертов и т. д.

Расточительная трата рабочего времени заключается в том, что судебные органы при назначении судебных дел к разбирательству, как правило, рассылают всем причастным к этим делам лицам повестки с извещением о явке к 10 час. утра, и вызванные, явившись аккуратно к назначенному сроку, ждут очереди рассмотрения своих дел иногда до 4 час. и далее, теряя, таким образом, весь трудовой рабочий день.

Подсчитаем же, примерно, какое количество лиц принимает участие в судебных процессах. Из практики своей работы в качестве парзаседателя я знаю, что ежедневно назначается к рассмотрению 15—20 судебных дел, с участием от 2 до 5 ч. в среднем в каждом процессе. Если мы возьмем за единицу учета 20 дел с участием трех лиц в среднем, то будем иметь до 60 чел., и это в одном только судебном органе, а какое же количество мы будем иметь по всем судебным органам, включая и губсуды.

Теперь учтем другое обстоятельство: один ли нетрудовой элемент участвует в судебных процессах, время затраты коих не могло бы влиять на производительность труда. В данном случае опять-таки приходится прийти к выводу, что, примерно, 75% участников судебных процессов падают именно на трудовой элемент, занятый на работе в предприятиях, учреждениях и организациях, и, след., отрыв их от производства в сильнейшей степени отражается отрицательно на работе данного предприятия.

Перед нами валико нарушение принципа поднятия производительности труда и кем же? Судебными органами, ведущими решительную борьбу с нарушениями законоположений вообще. Казалось бы, эти органы в первую очередь должны учесть подобную ненормальность и урегулировать свою работу так, чтобы довести до минимума растрату рабочего времени трудящимися.

Мыслимо ли изменить существующий распорядок в наших судебных органах. На это надо ответить: не только мыслимо, но вполне возможно и настоятельно необходимо. Надо же в конце-концов учесть расточительность рабочего времени, допускаемую нашими судебными органами, и выявить, каким накладным расходом является отрыв от производства трудящихся, занятых в судебных процессах.

Далее позволим себе наметить пути к разрешению этого принципиального вопроса, касающегося всех наших судебных органов.

Надо установить работу судебных органов в вечернее время, т.-е. примерно от 4 до 10 ч. вечера. Вправе ли мы это

сделать? Надо полагать, вправе и вот почему. Большая часть возникающих судебных дел касается личных, имущественных и правовых интересов трудящихся и, след., выплачивая содержание за дни, проведенные ими в судебных процессах, государство несет явный убыток.

На самом деле, какое дело учреждению, что один из его сотрудников подражал в пьяном виде или не заплатил кому-то какие-то деньги, за что и привлекается к суду. Это дело его личное, как гражданина данной местности, но, во всяком случае, не учреждения, и, след., участие его в суде не должно отражаться на бюджете производства.

Это одна сторона дела. Другая заключается в том, что при разборе судебных дел вечером не пришлось бы создавать показательных судов, т. к. каждый судебный процесс являлся бы уже показательным и участие на них лиц, интересующихся судебными процессами, значительно возросло бы, тогда как сейчас этой возможности не имеется. Таким образом, установление судебных процессов в вечернее время имеет и общественное значение.

Безусловно, оппоненты выдвигаемого предложения будут категорически возражать и доказывать нецелесообразность применения данного мероприятия, конечно, упуская из вида недопустимо расточительную трату времени рабочими и служащими предприятий, учреждений и организаций.

Допустим, что перевес будет на стороне оппонентов, так как мы еще далеко не научились рационально использовать рабочее время. Тогда мы внесем другое предложение, против которого, думается, возражать не приходится: следует предложить нашим судебным органам свою работу строго распланировать во времени и в рассылаемых повестках указывать точно к какому часу каждому вызываемому надо явиться в судебное заседание. Ясно для каждого, что одновременно все дела рассмотрены быть не могут, и, след., заинтересованным лицам, в зависимости от порядка рассмотрения дел, назначить и время явки, т.-е. одиннадцать, двенадцать часов и т. д., что значительно сократит число прогульных часов трудящихся. Думается, что мера эта не вызовет особых затруднений в работе судебных органов, так как это их основная работа, которую они могут распределить с точностью одного часа.

Кроме того, крайне необходимо, чтобы судебное заседание открывалось точно в назначенное для этого время, так как ни для кого не секрет, что на практике вместо 10 часов заседание сплошь и рядом открывается в 11, а то и позже.

Думается, что работники судебных органов выскажутся по вопросу затронутого вопроса.

Вокруг данного вопроса следует создать широкий общественный интерес, которого он вполне заслуживает по своему значению.

П. Лазарев.

Гор. Саратов.

Порядок протеста векселей и режим экономии.

Ст. 12 пол. о векселях возлагает на нотариуса или парсудью обязанность предъявления лично или письменно обязательным по векселю лицам требования о платеже. Обычно с этой целью посылаются срочные повестки.

Очевидно, эта обязанность нотариуса или парсудьи вызывается необходимостью поставить обязательных по векселю лиц в известность о местонахождении того органа, к которому поступил вексель для протеста, и только, т. к. срок платежа определяется составителями векселя, обозначается на самом векселе, являясь необходимым его реквизитом, и не может произвольно изменяться.

Таким образом, конечной целью посылки повесток обязательным по векселю лицам является указание не срока платежа, а лишь точного адреса нотконторы или суда, куда вексель представлен для протеста.

В городах, где имеется несколько нотконтор, производящих протесты векселей наряду с прочими нотариальными действиями, такое извещение должника является необходимым, т. к. избавляет последнего от обхода им всех нотконтор за справкой о том, поступил ли к ним вексель.

Наоборот, там, где функционирует всего одна нотконтора, а при отсутствии таковой—один парсуд, или там, где установлена одна специальная вексельная нотконтора, как в Москве,

Ленинграде и т. д., посылка нотариусом или судьей требовании о платеже является пережитком, совершенно ненужным, дорого стоящим и не усиливающим, а, наоборот, ослабляющим вексельную дисциплину.

В самом деле, зачем Московская вексельная потконтора, являясь единственным органом, принимающим векселя к протесту, рассылает ежемесячно десятки тысяч срочных повесток по адресу вексельных должников о том, что всем последним хорошо известно, а именно, что на векселе обозначен такой-то срок платежа, что срок этот истекает тогда-то и что потконтора находится на Ильинке и намеревается вексель протестовать. При этом повестки посылаются москвичам, имеющим по закону почему-то преимущество перед иногородними клиентами, которым никаких уведомлений вовсе не посылаются. К тому же потконтора даже при посылке повесток производит протест в установленный срок, не дожидаясь обратного экземпляра повестки. Таким образом, посылка извещений некоторой категории лиц, обязанных по векселям, превращается в пустую и ненужную формальность.

Едва ли кому-либо из клиентов Московской вексельной конторы придет в голову мысль о том, что назначением повесток, рассылаемых спешной почтой в адрес вексельных должников, является оповещение их о местонахождении потконторы.

Нет, обязанность вручения повесток должнику в срок указана ст. 12 пол. о векселях, и уверенность в том, что протест, совершенный без предъявления требования о платеже, может быть признан судом лишенным силы, дает право вексельному должнику забыть о сроках платежа, упоная на напоминание нотариуса.

При обзоре жалоб, подаваемых в губсуд в порядке ст.ст. 231—234 ГПК на действия нотариуса вексельной потконторы лицами, векселя которых за истечением срока платежа протестованы, сплошь и рядом приходится читать наивные мотивы о том, что он, жалобщик, вполне платежеспособен и мог бы уплатить по векселю в срок, но вот нотариус нарушил ст. 12 пол. о векселях, не вручив ему требования о платеже, чем ввел его в заблуждение, и в результате протеста жалобщнику грозит закрытие кредита и финансовая катастрофа. Губсуд соглашается обычно в таких случаях с жалобщиком и аннулирует протест.

Итак, неаккуратный плательщик, несмотря на то, что он в полном уме и твердой памяти подписал вексель, в котором указаны все необходимые реквизиты, в частности, место и срок платежа, проживая в Москве, вправе забыть об условиях своего обязательства. За него обязан следить, кроме векселедержателя, нотариус, напоминая о сроке платежа. Можно подобрать соответствующие эпитеты для такого рода «хозяйственников», однако, в наше время ненадежности аппарата, бюрократизма и неаккуратности существующий порядок ведет не к поднятию дисциплины в таком важном для развития кредита деле, как вексельное обязательство, а, наоборот, к расслаблению и, в конечном итоге, для более слабых в финансовом отношении наших предприятий к их коммерческой смерти.

И, действительно, «законно» рассуждающий вексельный должник, уповающий на напоминание нотариуса о сроке платежа, не следя сам за сроками своих обязательств, в виду ненадежности своего аппарата (а это относится ко многим кооперативным и гос. организациям), получает, наконец, повестку накануне или в день протеста и только тогда начинает суетиться и собирать финансы на погашение обязательства. В результате просрочка и протест.

Нужно оговориться, что предлагаемая нами мера не относится к двум группам векселей, а именно: «переводным векселям» и векселям «неопределенно срочным», т. е. к тем векселям, срок платежа по которым в момент их составления не бывает известен, т. к. он ставится в зависимость от усмотрения векселедержателя. В последнюю группу входят векселя «по предъявлению» и «во столько-то времени по предъявлению».

Какие возражения могут быть приведены по поводу предлагаемого нами проекта? Нам пришлось слышать два возражения, по нашему мнению, несущественных. Одно из возражений о том, что не все векселя предъявляются векселедержателем к протесту, не относится к порядку протеста векселя. Это скорее вопрос взаимоотношений кредитора с должником, который к тому же всегда имеет возможность на следующий день (известный ему, как реквизит выданного им же векселя) по предъявлению векселя в контору получить там соответствующую справку. К тому же вряд ли кредитор по своему великодушию, без инициативы должника, без предварительной просьбы последнего, лишит себя преимуществ, вытекающих из протеста неоплаченного в срок векселя.

След., и в этом случае должнику будет известно намерение кредитора.

Впрочем, ничего предосудительного нельзя усмотреть в том, если должник, дорожающий своей репутацией кредитоспособности, явится в потконтору с деньгами в том случае, когда вексель в срок почему-либо не предъявлен в потконтору для протеста.

Второе возражение исходит из предпосылки о том, что нет выполнения обязательства без требования о его выполнении.

Не говоря о том, что вексель есть одностороннее обязательство, не возлагающее каких-либо обязанностей на кредитора, последний предъявляет свое требование к должнику в порядке выполнения обязательства уже после протеста путем возбуждения судебного иска к неплательщику. Предъявление же векселя к протесту имеет целью не требование о платеже, а констатирование факта неплатежа и превращение долгового обязательства в бесспорный процессуальный документ.

А выгоды в результате предлагаемой меры значительны. Это, во-первых, действительное поднятие вексельной дисциплины: должник обязан помнить о сроке своих обязательств и заранее готовиться к своевременному их погашению, не дожидаясь напоминания нотариуса накануне протеста; во-вторых, экономия живой силы, расходуемой на писание и рассылку повесток. Писанием повесток в Московской вексельной потконторе занято обычно 5—7 сотрудников, а в дни особой нагрузки мобилизуется дополнительное количество сотрудников, занятых другой работой.

Упразднение повесток по векселям «определенно срочным» в одной лишь Московской вексельной потконторе, кроме экономии труда, даст следующую экономию средств: сокращение штата на 5 человек, занятых ныне писанием повесток, что составит уменьшение расходов по зарплате на 5.000 р. в год, уменьшение канцелярских расходов, как-то: стоимость 250.000 бланков повесток, переводной бумаги, карандашей и т. д., что составит экономию в 1.300 руб., и, наконец, отпадение расходов по посылке повесток, составляющих сумму более 40.000 р. в год. В итоге—экономия от 45 до 50 тысяч в год плюс экономия труда.

Указанные мотивы достаточны для немедленного упразднения существующей практики, вредно отражающейся на вексельной дисциплине и работе вексельной потконторы.

Ст. 12 пол. о векселях должна быть изменена в том смысле, что в тех местах, где существует один нотариальный орган, а при отсутствии такового—один участок наряду, принимающий векселя к протесту, посылка нотариусом или судьей вексельным должникам требований о платеже по «определенно срочным» векселям упраздняется.

Предлагаемая мера будет отвечать правильному понятию о режиме экономии.

С. Ястржембский.

Г. Москва.

Обзор советского законодательства за время с 7 по 13 ноября 1926 года.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Трудовое право.

1. Пост. ЦИК и СНК Союза ССР от 22 октября о трудовых кассах взаимопомощи («Изв. ЦИК СССР» от 10 ноября, № 260) содержит законодательное признание организаций профессиональной взаимопомощи, получивших большое развитие в среде трудящихся, объединяемых в профессиональные союзы. Цель этих касс — оказание материальной товарищеской помощи своим членам. Основная их организация и порядок их деятельности определяются положением, утверждаемым ВЦИОС. Им же издается нормальный устав трудовых касс взаимопомощи, на основе которого вырабатываются и утверждаются профсоюзными органами уставы отдельных касс. По регистрации в профсоюзных органах кассы взаимопомощи приобретают права юридических лиц; они пользуются всеми предоставленными профессиональным союзам льготами по общегосударственным и местным налогам и сборам, а документы по их операциям, равно как доверенности на получение денег из касс взаимопомощи, освобождаются от гербового сбора.

Морское право.

2. Пост. СНК СССР от 16 октября об изменении редакции ст. 2 пост. СНК СССР от 8 июля 1924 г. о морской пере-

возке в заграничных сообщениях и о большом и малом каботаже («Изв. ЦИК СССР» от 10 ноября, № 260) рассматривает в отношении каботажа, как одно море, Японское, Охотское и Берингово моря, прилегающие к восточным границам нашего Союза. Перевозка грузов и пассажиров между портами СССР на этих морях относится к малому каботажу и составляет исключительное право судов, плавающих под флагом СССР.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Гражданский Кодекс.

1. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 13 октября об изменении ст. 71, прим. 1 к ст. 73 и ст. 76 Г. К. РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 10 ноября, № 260) содержит ряд важнейших льгот для рабочего жилищного строительства. Установив предельные сроки для договоров застройщи в 60 лет для каменных строений и в 40 лет для деревянных и иных строений, новая редакция 71 ст. вводит обязательное заключение на эти сроки договоров в тех случаях, когда земельные участки предоставляются под застройку рабочими жилищами; если же строения лишь достраиваются или восстанавливаются, договоры заключаются не менее, чем на $\frac{2}{3}$ предельных сроков. Предельный одногодичный срок для приступа к постройке продлен для рабочих жилищ до двух лет; срок же окончания постройки установлен в четыре года. Для организаций, ставящих своей целью возведение поселков или групп строений, тот же срок может быть продлен до восьми лет. Налоговые льготы для застройщиков увеличены. По истечении трехлетнего срока со дня возведения или восстановления предназначенного для жилья строения, в течение которого оно освобождается вместе с соответствующим земельным участком от всех государственных и местных налогов и сборов, те же налоги и сборы взимаются с застройщика и его правопреемников в половинном размере, если жилая площадь строения составляет не менее семидесяти пяти процентов всей площади. Земельная рента не уплачивается полностью также до истечения трех лет по окончании постройки или восстановления строения; после же этого срока рента взимается в половинном размере при условии того же соотношения между жилой и нежилой площадью строения.

Коммунальное хозяйство.

2. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 25 октября о мерах к упорядочению эксплуатации муниципального жилищного фонда («Изв. ЦИК СССР» от 11 ноября, № 251), относится к той категории декретов последнего времени, которые имеют своей задачей возможное сохранение и развитие жилищного фонда, содержит ряд постановлений, которые должны урегулировать эксплуатацию муниципального фонда. Должны быть установлены местными советами и введены в действие уже с 1 марта 1927 г. предельные нормы расхода домового бюджета применительно к изданной по этому предмету инструкции НКВД. Новые арендные договоры на жилые помещения должны заключаться на основе постановления ЭКОСО РСФСР от 30 сентября 1926 г. об установлении размеров арендной платы за муниципализированные жилые помещения. Устанавливается наблюдение за правильным поступлением и расходованием по назначению средств по муниципальному жилищному фонду (арендная и квартирная плата). Проводится инвентаризация муниципального фонда.

Финансы.

3. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 25 октября продлен срок работ уполномоченного при НКФ РСФСР по ликвидации расчетов бывшего НКПрода («Изв. ЦИК СССР» от 11 ноября, № 261). Новый срок работ уполномоченного, действующего на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 17 мая 1926 г. о порядке ликвидации долгов бывш. НКПрода и его продовольственных органов государственными органами, кооперативам и частным лицам и о дальнейшей реализации дебиторской задолженности («С. У.» 1926 г., № 31, ст. 239), установлен до 1 января 1927 г. Незаконченные к этому сроку дела и расчеты заканчиваются аппаратом НКФ.

Лесное дело.

4. Пост. ЭКОСО РСФСР от 9 октября о порядке отпуска леса без соревнований гос. учреждениям и предприятиям, состоящим на гос. и местном бюджете, в 1926—27 финансовом году («Изв. ЦИК СССР» от 10 ноября, № 260) дополняет постановление ЭКОСО РСФСР от 24 июля 1926 г. о порядке отпуска леса на корню в 1926—27 г. («С. У.» № 26, ст. 348). Расширены права центральной и местных лесных торговых

комиссий по разрешению отпуска леса без соревнований как госорганам, так и местным кооперативам.

Сов. строительство.

5. Пост. Президиума ВЦИК от 4 ноября утверждена новая инструкция о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов («Изв. ЦИК СССР» от 13 ноября № 263), изданная в соответствии с инструкцией Президиума ЦИК Союза ССР от 23 сентября 1926 г. о выборах в советы («С. У.» 1926 г. № 66, ст.ст. 500—501).

Кооперация.

6. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 11 октября о порядке образования и регистрации уставов потребительских, с.-х. и промысловых кооперативных организаций и трудовых артелей на территории Дальневосточного края («Изв. ЦИК СССР» от 9 ноября, № 259) предоставляет крайевым земельному управлению, отделу торговли и совету нархоза хозяйства регистрацию уставов, смешанных с.-х. кредитных, промысловых и потребительских кооперативных объединений, деятельность которых, не выходя за пределы края, выходит за пределы отдельных округов. Регистрация промысловых кооперативных товариществ и их союзов, а также с.-х. и смешанных с.-х. кредитных кооперативных союзов, не выходящих в своей деятельности за пределы округов, возложена на окружные отделы местного хозяйства и земельные управления. Регистрация первичных с.-х. и смешанных с.-х. кооперативных товариществ осуществляется районными исполкомами. Регистрация уставов трудовых артелей производится в регистрационных комиссиях при окружных отделах местного хозяйства. Также в регистрационных комиссиях при окружных отделах торговли производится регистрация потребительских обществ и их союзов не выше окружного масштаба.

Постановление, учитывая местные условия Дальневосточного края и возросшее значение окружных и районных органов, устанавливает, таким образом, изъятия из декретов ВЦИК и СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. о с.-х. кооперации («С. У.» № 61, ст. 434), от 7 июля 1921 г. о промысловой кооперации («С. У.» № 53, ст. 322), от 15 декабря 1924 г. о трудовых артелях («С. У.» 1925 г., № 1, ст. 9) и 21 ноября 1924 г. о порядке регистрации потребительских обществ и их союзов («С. У.» 1924 г. № 89, ст. 394). Вместе с тем отменены специальные постановления от 3 августа 1925 г. и от 20 февраля 1926 г. о порядке регистрации уставов с.-х. кооперативных организаций на территории Дальневосточного края («С. У.» 1925 г. № 56, ст. 436, и 1926 г. № 20, ст. 152).

Населенные пункты.

7. Пост. Президиума ВЦИК от 18 октября утвержден список городов Татарской АССР («Изв. ЦИК СССР» от 9 ноября, № 259).

М. Брагинский.

Из деятельности Верховного Суда.

Определения ГКК.

По кассжалобе А. Эггардт на решение главсуда АССР немцев Поволжья по иску кассатора к Т. Эггардт о выдаче из наследственного имущества доли на 1.797 р.

В 1923 г. гр. Конрад Эггардт поселился со своей женой Анной Эггардт у своего сына от первого брака Теодора Эггардта, перевезя во двор последнего все свое имущество. Вскоре после этого Конрад Эггардт умер, и вдова его предъявила к своему пасынку в главсуде АССР немцев Поволжья иск о выдаче ей оставшегося после покойного имущества на сумму 1.797 руб. В дело в качестве соистцов вступили отдельные сыновья покойного Александр, Иван и Фридрих Эггардт и его замужние дочери Ольга Крейс, Наталья Греб и Юлия Гринвальд, требуя выдачи им наследственных долей из имущества покойного отца. В заседании от 4 марта 1926 г. главсуд нашел, что покойный Конрад Эггардт вместе с ответчиком образовали общий крестьянский двор, вследствие чего имущество умершего должно перейти к паличным членам этого двора, в том числе и к Анне Эггардт. Все же остальные истцы, как не состоящие членами этого двора, никакого права на это имущество не имеют. Обращаясь к определению доли Анны Эггардт, суд признал установленным, что к моменту выхода истицы из двора ответчика стоимость имущества двора равнялась 1.739 руб. и самый двор в это время состоял из 6 членов, поэтому на долю Анны Эггардт приходится 290 руб., каковая сумма, по мне-

нию суда, должна быть еще уменьшена до 250 руб., так как в виду преклонного возраста истицы и непродолжительности пребывания ее во дворе ответчика трудовое участие ее в хозяйстве двора было незначительно. По изложенным соображениям главсуд, отказав в иске остальным истцам, присудил в пользу Анны Экардт 250 руб., обязав ответчика выдать эту сумму деньгами, а не натурой, «чтобы не ослабить недавно налаженного крестьянского хозяйства ответчика».

По кассационной жалобе истцов дело перешло на рассмотрение Верховного РСФСР по ГПК, который в заседании от 1 июня 1926 г. вынес по настоящему делу следующее определение:

«ГПК находит, что, в виду признания судом имущества умершего Конрада Экардт вошедшим в дворовое имущество Теодора Экардт, наследственное право после смерти первого неприменимо и, след., имущество должно остаться у наличных членов данного двора, почему Ивану, Фридриху, Александру Экардт, Ольге Крейс, Наталье Греб и Юлии Гринвальд в иске о выделе наследственного имущества отказано правильно. Что касается Анны Экардт, то ее кассационная заслуживает уважения по следующим соображениям: суд правильно признал право Анны Экардт на выдел имущества, с точки зрения норм Зем. Код., однако, он не принял во внимание особых обстоятельств настоящего дела при определении размера доли Анны Экардт. В основу самого изъятия имущества Конрада Экардт из действия наследственного права положен факт объединения двух дворов—Конрада и Теодора Экардт. Зем. Код. не устанавливает правил для подобных случаев, но подобное объединение несколько не противоречит общему смыслу закона, наборот, поскольку Зем. Код. в специальной главе устанавливает меры против изъятия хозяйств, объединение дворов, несомненно, желательно и полезно. Поэтому суд вправе был, руководствуясь ст. 4 ГПК, признать факт объединения двора. Но в то же время в случае распада такого объединения двора на первоначальные части суд не может при выделе имущества в полной мере применить 73 ст. Зем. Код. о равенстве долей всех членов двора. Здесь нужно учесть хозяйственную цель объединения двух дворов так, чтобы при разделе такого двора не получилось обогащения одних за счет других. В данном случае суд не выяснил ценности имущества, включенного в раздел и внесенного в свое время Конрадом и Анной Экардт во двор Теодора, ибо это обстоятельство должно влиять на вычисление доли Анны Экардт.

Кроме того, как общее правило, раздел имущества производится в натуре (ст. 76 Зем. Код.), выплаты деньгами допустимы лишь в отношении таких предметов, кои не могут быть поделены без нарушения хозяйственной целостности поделенного, суд же раздела не произвел, а присудил денежную компенсацию.

На основании изложенного ГПК определяет: Кассационную жалобу Ивана, Фридриха, Александра Экардт, Ольги Крейс, Н. Греб и Ю. Гринвальд оставить без последствий и отказ им в иске в силе.

Оставить в силе решение главсуда АССР НП от 4 марта 1926 г. в части признания за Анной Экардт права на выдел имущества и отменить в части определения доли и замены ее деньгами полностью и в этой части дело передать на новое рассмотрение того же суда в ином составе.

(Определение по делу № 3211—1926 г.).

Хроника.

Взыскание недоимок по платежам на социальное страхование.

Союзный Совет соц. страхования при НКТруде СССР утвердил инструкцию о порядке взыскания недоимок по платежам на соц. страхование (инстр. № 213/920 от 9/IX—1926 г.—Труд № 240).

Взносы на социальное страхование, не уплаченные предприятиями, учреждениями, хозяйствами и лицами, пользующимися наемным трудом в установленные страховыми органами сроки, вместе с начисляемой на эти взносы пеней зачисляются в недоимку. Носадование о взыскании недоимки выносится кассой социального страхования, производящей взимание страховых взносов (комитетом кассы или его президиумом), или вышестоящим страховым органом.

Страховой орган уполномочивает инспектора по бесспорному взысканию или заменяющее его лицо на взыскание недоимки. Лицо, уполномоченное на взыскание, приступает к применению следующих принудительных мер: описи, аресту и непосредственному обращению на удовлетворение взыскания денежных сумм, принадлежащих недоимщику или нахо-

дящихся в кассах недоимочных предприятий; обращению взыскания на всякого рода суммы, причитающиеся к получению недоимщиком от третьих лиц (учреждений и предприятий, общественных организаций, частных лиц и т. д.), а также в пределах действующих узаконений на суммы, находящиеся на текущих счетах и во вкладах в кредитных учреждениях; описи, аресту и продаже с публичного торга принадлежащего недоимщику имущества; описи и продаже принадлежащих недоимщику фондовых ценностей (процентных и дивидендных бумаг); описи и обращению в продажу с публичного торга принадлежащих недоимщику строений.

Инструкция подробно предусматривает, на что не может быть обращено взыскание.

При взыскании с рабочих и служащих обращение взыскания на заработную плату, причитающуюся им от нанимателей, допускается в размере не более 20% с излишка, превышающего минимум заработной платы.

При взыскании недоимок по взносам на социальное страхование причитающимся с государственных учреждений и предприятий устанавливаются следующие изъятия: на имущество, принадлежащее учреждению или предприятию, состоящему на общегосударственном или местном бюджете, взыскание не обращается, но в случае неплаты таким органом в установленный срок взносов на социальное страхование страховому органу предоставляется право подать жалобу в инстанционном порядке, и, помимо того, в подлежащих случаях привлечь ответственных руководителей недоимочного учреждения или предприятия к ответственности на основании ст. 3 пост. СНК СССР от 30 июня 1925 г. Об ответственности за нарушение законов о социальном страховании.

При обращении взыскания на имущество государственного учреждения или предприятия, не состоящего на общегосударственном или местном бюджете, взыскание может быть обращено на имущество, составляющее его оборотные средства, как-то: наличные деньги или иные денежные ценности, материалы, полуфабрикаты, фабрикаты, топливо, сырье и т. п.; на имущество, относящееся к основному капиталу государственных предприятий, взыскание может обращаться лишь в тех частях его, отчуждение которых не воспрещено действующим законодательством Союза ССР и союзных республик; в отношении тех частей основного капитала государственных предприятий, отчуждение которых разрешено законом с соблюдением специального порядка, взыскание может быть обращено лишь с соблюдением указанного порядка.

Инструкция устанавливает правила обращения взыскания на денежные суммы недоимщика, находящиеся у третьих лиц, учреждений и предприятий.

В случае, если при обращении взыскания по социальному страхованию на суммы недоимщика, находящиеся в его распоряжении или у третьих лиц (учреждений, предприятий, общественных организаций, частных лиц и т. д.), а также на текущих счетах и во вкладах в кредитных учреждениях и сберегательных кассах, окажется, что те же самые суммы необходимы также для удовлетворения заработной платы служащих и рабочих за истекшее время и за две недели вперед или для уплаты за то же время алиментов, то соблюдается следующий порядок: в случае, если претензии по заработной плате и алиментам основаны на вошедших в законную силу судебных решениях, то принадлежащие недоимщику суммы распределяются между претензиями по социальному страхованию, заработной плате и алиментам в порядке, установленном законодательством союзных республик; при отсутствии судебных решений или удостоверений (местного отдела или отделения профсоюза) принадлежащие недоимщику суммы передаются в распоряжение страхового органа в размере, необходимом для полного погашения взыскиваемой недоимки.

Во всех случаях поступления сумм на покрытие недоимки по социальному страхованию страховой орган в первую очередь покрывает расходы по взысканию, затем погашает взыскиваемую недоимку, а остаток, если на него не наложен арест по другим взысканиям, передается недоимщику или, по его желанию, засчитывается в будущие платежи по социальному страхованию.

Порядок присоединения к взысканиям недоимок по социальному страхованию взысканий по другим претензиям к тому же недоимщику и распределение между ними взысканных сумм устанавливается республиканскими советами социального страхования по соглашению с соответствующими наркоматами на основе законодательства союзных республик.

Претензии по заработной плате, социальному страхованию и алиментам удовлетворяются во всех случаях в первую очередь.

В инструкции подробно предусмотрен порядок обжалования действий и распоряжений лиц, производящих взыскание.

Пользование земельными участками, предоставляемыми сельским и волостным крест. о-вам взаимопомощи из госземимущества.

НКЗем постановил предоставить крест. обществам взаимопомощи в бесилатное и бессрочное договорное пользование свободные участки удобной земли из госземимущества следующих категорий: из земель, находившихся в пользовании выселенных бывших помещиков; из госземзапаса, не предназначенного для специальных целей; из земель, перечисленных из лесфонда в госземзапас, а в пределах Сибири, Урала и Дальнего Востока также из лугового фонда.

Условия ведения сельского хозяйства на передаваемых участках должны быть определены в договорах, в которые включаются обязательства по: общественной обработке переданной площади; ведению сельского хозяйства с применением правильного севооборота и улучшенных способов обработки земли по планам, вырабатываемым новыми КОВ при участии агронома в соответствии с условиями данного района и утверждаемым земорганами; неприменению наемного труда и субаренды.

В случае невыполнения КОВ обязательств и отказа их добровольно передать землю обратно земорганам земорганами возбуждаются в земкомиссиях иски о расторжении договоров и изъятии от КОВ переданного участка (ц. НКЗема № 269/52-32 от 11/VIII—1926 г.—«С.-Х. Ж.» № 34).

Кредитование деревенской бедноты.

Экономическое Совещание РСФСР 8 июня 1926 г. утвердило план распределения средств, ассигнованных по фонду льготного кредитования деревенской бедноты, а также и правила его расходования.

Согласно этих правил категории коллективных и индивидуальных заемщиков, имеющих право на получение ссуд из фонда бедноты, устанавливаются для отдельных районов земуправлениями по соглашению с обществами с.-х. кредита. Платежи по ссудам, выданным из открытых Россельбанком на определенные правилами сроки кредитов и проценты по ним, вносятся заемщиками не реже одного раза в год, в сроки, установленные непосредственно кредитующими учреждениями в соответствии со сроками, на которые ссуды получены, и со сроками, наиболее удобными для производства платежей бедняцким хозяйствам; при неплате в срок платежей и процентов по ссудам на заемщика обращается взыскание в бесспорном порядке. За просроченные платежи по ссудам непосредственные заемщики уплачивают за все просроченное время пени в размере не свыше установленного по ссуде процента. Общества с.-х. кредита и с.-х. кредитные товарищества, являясь проводниками ссуд за счет фонда на комиссионных началах, несут ответственность в порядке выполнения комиссионных поручений.

В связи с пост. ЭКОСО НКЗем предложил земуправлениям (ц. № 255/64-С—«С.-Х. Ж.» 1926 г. № 31) руководствоваться при распределении рядом директив.

Земорганы должны внимательно относиться к определению категорий заемщиков, имеющих право на получение ссуды из фонда бедноты.

Ссуды из фонда бедноты имеют обязательно производственное назначение: на покупку с.-х. машин, лошадей и т. п., эти ссуды ни в коем случае не должны носить собственного и потребительского характера, т. е. выдаваться всем, поровну, по мелочам и т. п.

Ссуды выдаются на срок от 3 до 5 лет и подлежат возврату по окончании их срока.

В целях правильного использования средств фонда бедноты как по целевым назначениям, срокам, так и по социальному направлению земорганы обязаны организовать особое наблюдение за всеми отпускаемыми кредитами по этому фонду и в случаях отклонения со стороны кредитных учреждений от установленных правил их расходования немедленно принимать меры к устранению всех незаконных распоряжений кредитных учреждений и сообщать об этом в Наркомзем.

Зачет рабочих дней в местах заключения.

Центр. распределительная комиссия предложила инспекциям мест заключения и распределительным комиссиям при разрешении вопросов о зачете двух дней работ в местах заключения за три дня срока (ст. 52 ИТК) руководствоваться следующими директивами (ц. НКВД № 283—«Бюлл. НКВД» 1926 г. № 19):

Все заключенные и принудительно-работники, принадлежащие к классу трудящихся (рабочие, крестьяне, служащие, мелкие и средние кустари и ремесленники, лица свободных профессий, а равно и лица, занимавшие перед их осуждением выборные должности в общественных, гос. учреждениях, предприятиях, и организациях и не лишенные права избирать в советы), за проявленную продуктивность труда подлежат поощрению (прим. ч. 2 ст. 52 ИТК) в виде зачета 2 дней работ за 3 дня срока лишения свободы или принудительной работы, независимо от характера приговора или постановления, по которым они отбывают тот или другой вид меры социальной защиты.

Зачет 2 дней работ за 3 дня срока, не являясь обязательным во всех случаях работ, производится по постановлению распределительной комиссии исключительно на основании представления об этом в отношении заключенных наблюдательной комиссией, а в отношении принудительно-работников—зав. бюро или отд. бюро принудительных работ.

Бюро принудительных работ и наблюдательные комиссии могут входить перед распределительной комиссией с ходатайством о зачете рабочих дней в отношении одного и того же лица не чаще, чем раз в месяц.

К ходатайствам о зачете рабочих дней должны обязательно приобщаться документальные данные (перечень работ и время их исполнения, копии рапортов завед. работами, инспекторов, наблюдателей и т. п., выписки из расчетной книжки, аттестаты и отзывы об успехах в трудовых занятиях и т. п.), дающие основание для сокращения срока.

Отказ наблюдательной комиссии в представлении к зачету рабочих дней, как общее правило, считается окончательным и дальнейшему направлению не подлежит.

Однажды незаченные распределительной комиссией по льготной норме работы не могут вторично представляться к зачету 2 дней этих работ за 3 дня срока.

К зачету по норме «2 дня за 3» могут представляться всякого рода трудовые занятия (умственные и физические, платные и бесплатные, хозяйственные и производственные), если только они своей продуктивностью превышают обычный труд или обнаруживают исключительную инициативу и энергию при выполнении порученной работы, или имеют своим результатом приобретение заключенным профессионально-производственных навыков, соответствующим образом удостоверенное.

Зачтенные рабочие дни принимаются во внимание при подсчете отбывших минимальных сроков, необходимых для перевода из одного разряда в другой и для досрочного освобождения, наравне с временем фактически прошедшим с начала течения срока меры социальной защиты.

Постановления по вопросу о зачете или отказе в зачете 2 дней работ за 3 дня срока могут быть отменены Центральной распределительной комиссией по протестам прокуроров и в порядке надзора Главного Управления местами заключения.

Обязательные постановления о борьбе с хулиганством.

По точному смыслу 1 части 176 ст. УК в редакции от 7 июня 1926 г., за нарушения, предусматриваемые 1 ч. 176 ст., возможно самостоятельное применение двух видов преследования: в административном и в судебном порядке.

В силу этого, в соответствии с циркулярным разъяснением Народного Комиссариата Юстиции от 30 июня 1926 г. за № 119 («Еж. Сов. Юст.» № 27), НКВД даны на места указания о том, каково должно быть содержание обязательных постановлений о борьбе с хулиганством (ц. НКВД № 267—«Бюлл. НКВД» 1926 г. № 18).

В обязательное постановление не могут быть включены деяния, содержащие в себе признаки квалифицированного хулиганства, указанные во 2 ч. 176 ст. УК, а именно: буйство, бесчинство, повторность или систематичность совершения (рецидив), непрекращение, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или действия, содержащие в себе исключительный цинизм или дерзость.

Обязательное постановление должно, сообразуясь с местными бытовыми условиями, предусмотреть с возможной полнотой все виды мелкого, неквалифицированного хулиганства, борьбу с которым, по мнению административных органов, предпочтительнее вести путем применения мер административной репрессии. К этой категории могут быть отнесены: отдельные озорные действия, поступки и слова, нарушающие общественный порядок и спокойствие, при условии, если эти действия не носят массового, систематического и длительного характера и не являются заранее обдуманными и преднамеренными. Сюда могут быть включены: шум и крики на улицах, в публичных и общественных местах (особенно в ночное время), провознесение бранных нецензурных слов, и т. п.:

отдельные озорные хулиганские выходки, направленные против личности отдельных граждан, не осложненные наличием признаков 172, 174, 153, 157 ст.ст. УК, напр., приставание на улице, толкание и т. п.; отдельные озорные хулиганские выходки, направленные против имущества отдельных граждан, не осложненные признаками ст.ст. 196 и 197 УК, напр., обрызгивание водой, бросание камнями, грязью, плевок на платок и т. п.; озорные действия, нарушающие порядок уличного движения, напр., неожиданные «пугающие» крики, протягивание веревки поперек дороги или пешеходных тропинок, тротуаров, дорожек и т. п.; другие мелкие озорные поступки, имеющие исключительно местный бытвой характер.

В обязательное постановление рекомендуется не включать особо развитых и опасных для данной местности видов хулиганства хотя бы и мелкого по существу, но имеющего большое распространение.

Регистрация коммунальных трестов.

Регистрация коммунальных трестов производится сейчас на основании инструкции НКТорга и НКВД РСФСР № 20/279—1926 г. («Бюлл. НКВД» № 18).

Реестр коммунальных трестов ведется отделами внутренней торговли.

При первоначальной регистрации учреждение, производящее регистрацию, делает об этом надпись на уставе и в случае требования о том правления (или управляющего) выдает ему удостоверение о регистрации. После регистрации коммунального треста учреждение, производящее регистрацию, посылает один экземпляр устава с полной выпиской из регистрационного реестра в НКТорг РСФСР и один экземпляр устава НКВД РСФСР.

Учреждение, производящее регистрацию, обязано в семидневный срок рассмотреть заявление о регистрации возникшего треста и сделать постановление о производстве регистрации или об отказе в ней. Отказ в регистрации треста может быть в месячный срок обжалован в НКТорг РСФСР.

Постановление о регистрации немедленно производится в исполнение занесением в регистрационный реестр установленных сведений о тресте. Правление (или управляющий), не представившие в срок подлежащих внесению в реестр сведений или представившие их с нарушением указанного в настоящей инструкции порядка, подлежат ответственности по ст. 118 Угол. Код. РСФСР.

Реестр треста открыт для обозрения всем желающим. По их заявлениям им выдаются выписки за плату, установленную постановлением Правительства РСФСР. Пока факт, подлежащий внесению в реестр, не внесен в него и в подлежащих случаях не опубликован, коммунальный трест не вправе ссылаться на этот факт в своих возражениях против третьих лиц, если факт не был известен третьему лицу. Если факт, подлежащий внесению в реестр, был внесен в него и опубликован, то третье лицо не может ссылаться на незнание его.

Раз'яснения по сельхозналогу.

НКФ'ом СССР даны следующие раз'яснения по сельхозналогу:

Согласно ст. 36 положения о взимании налогов и сборов от 2 октября 1925 г., губернским налоговым комиссиям предоставлено право освобождавать от уплаты пени за просрочку платежей по с.-х. налогу, а поэтому нет никакой надобности в утверждении НКФ решения губернской налоговой комиссии по данному вопросу. (Упрналог Владимирск. гфо, 26 августа с. г. № 401816).

Некоторые вол. налоговые комиссии при определении суммы дохода от кустарного промысла привлекли к обложению такую сумму этого дохода, которая при обложении дала бы увеличение налога на сумму, не превышающую размеров подоходного и промыслового налога.

В данном случае возникает сомнение, соблюден ли порядок обложения этих доходов, установленный ст. 2 постановления от 29 июня 1926 г., согласно которого ограничение размера привлечения к обложению с.-х. налогом доходов от кустарного промысла нужно рассматривать не в отношении каждого отдельного хозяйства, а лишь как средний по губернии размер обложения. Конкретно это нужно понимать в том смысле, что губисполком должен установить нормы привлечения к обложению с.-х. налогом доходов от кустарного промысла с таким расчетом, чтобы среднее хозяйство в случае наличия у него доходов от промыслов получило увеличение налога на сумму, соответствующую размерам подоходного и промыслового налогов (Упрналог Смол. гфо, 30 августа с. г. № 40227).

По союзным республикам.

В ЗСФСР.

Исполнение постановлений высших законодательных органов ЗСФСР.

Закавказская РКИ, в лице ее секции административно-технической инспекции по улучшению государственного аппарата, произвела обследование исполнимости учреждений ЗСФСР постановлений ЗакЦИК'а, Заксовнаркома и ЗакВЭС'а. Обследование выявило следующие основные и наиболее типичные причины, отрицательно влияющие на темп выполнения указанных постановлений:

Отсутствие в ведомствах систематического контроля и наблюдения за ходом выполнения заданий высших законодательных органов. Как общее правило, управления, секретариаты и другие аналогичные органы ведомств ограничиваются формальной передачей заданий высших законодательных органов в соответствующие части учреждений, которые и являются фактически ответственными за выполнение означенных заданий. Отсутствие контролирующего глаза в ведомствах создает такое положение вещей, при котором выполнение заданий ЗакЦИК'а, Заксовнаркома и ЗакВЭС'а сплошь и рядом задерживается в пределах самого ведомства-исполнителя без уважительных причин.

Зависимость ведомств-исполнителей от органов, совместно с ними участвующих в выполнении заданий высших законодательных органов. При обследовании практика работ общесоюзных наркоматов и учреждений дала обширный материал, указывающий на наличие систематических задержек по вине органов, от материалов и заключений которых зависит разрешение вопросов ведомствами, непосредственно выполняющими задания высших законодательных органов. Особенно часты и длительны задержки со стороны органов периферии.

Несоответствие назначенных сроков обему заданий. В подавляющем большинстве случаев сроки, назначенные для выполнения заданий, не соответствуют ни обему заданий, ни тем фактическим возможностям, какими располагает учреждение для их выполнения. Прежде всего, недостаточные сроки назначаются нередко самими высшими законодательными органами. Объясняется это отчасти тем, что центр предоставляет им слишком малые сроки в тех случаях, когда вопросы требуют согласования с местными наркоматами и учреждениями. Назначение недостаточных сроков приводит к тому, что места вообще не считают для себя обязательными сроки, установленные органами центра.

Нерациональная постановка делопроизводства и канцелярская волокита. Неудовлетворительная постановка делопроизводства и канцелярская волокита, связанная с излишними задержками бумаг и рабочих всех категорий,—болезнь далеко не изжитая большинством учреждений. Эта болезнь отражается не только на судьбе обыкновенных бумаг, но и на переносе, касающейся исполнения заданий высших закавказских органов. Нерациональная система делопроизводства во многих случаях является весьма серьезной причиной невыполнения заданий высших законодательных органов.

Сложность структуры учреждений и некоторые недочеты коллегиальной системы разрешения вопросов. Как общее правило, в выполнении заданий высших законодательных органов участвует не одно, а целый ряд учреждений, имеющих сложную структуру и идущих по нисходящей степени от центра к республикам. Если учесть при этом, через сколько инстанций внутри каждого ведомства проходит задание высшего законодательного органа, то станет очевидной значительность инстанций прохождения этих заданий. Сложность структуры учреждений есть одна из объективных причин, отрицательно влияющих на темп выполнения постановлений ЗакЦИК'а, Заксовнаркома и ЗакВЭС'а. В тесной связи с указанной причиной находятся и некоторые недочеты практикуемой в учреждениях коллегиальной системы обсуждения вопросов, как-то: повторность созывов согласительных комиссий по причине отсутствия кворума, междоветовственных разногласий, затребования с мест новых материалов, прохождения заданий через коллегиальные инстанции, имеющие лишь формальное значение, бессистемность созывов заседаний президиумов или коллегий в ведомствах и т. д.

По всем приведенным дефектам коллегий ЗакРКИ намечены соответствующие конкретные мероприятия, направленные на улучшение общей постановки исполнения учреждений ЗСФСР постановлений ЗакЦИК'а, Заксовнаркома и ЗакВЭС'а. Мероприятия эти имеют в своей основе: устано-

вление в ведомствах путем издания особого законодательного акта определенной системы контроля исполнения постановлений высших законодательных органов, урегулирование вопросов, связанных с назначением сроков исполнения заданий высших законодательных органов, как центра, так и ЗОФСР, и проведение конкретных рационализаторских мероприятий в отдельных ведомствах.

Состояние органов юстиции в Азербайджане.

НК РКН и НКЮ АССР обследовали деятельность органов юстиции в трех типичных уездах Азербайджана — Ганджинском, Нухинском и Ленкоранском — и ознакомились также с работой административных органов, являющихся первичными аппаратами в деле расследования преступлений (органы дознания, милиция).

Штат у милиции крайне малочисленный. Вследствие недостаточности штата и неподготовленности личного состава милиции вообще, поступающие в судебные органы акты дознания отличаются неполнотой и существенными техническими дефектами. Это влечет за собой постоянные и очень значительные затруднения в работе судебных органов. Почти во всех уездах в силу этих обстоятельств выдвигнут вопрос о необходимости систематического инструктирования органов дознания и организации специальных краткосрочных курсов по подготовке агентов милиции. Недостаточность штатов влечет за собой нередко даже невручение повесток, что создает волокиту в работе нарсудов и нарледователей.

С другой стороны, обследователи отметили, что неудовлетворительное состояние органов дознания является результатом отсутствия соответствующего наблюдения и инструктирования со стороны исполкомов. Отмечены чрезмерная обширность следственных участков, недостаточность числа камер и технических работников. На-ряду с этим наблюдается и некоторая неподготовленность личного состава, чем и была вызвана организация Наркомюстом специальных краткосрочных курсов по подготовке судебных работников. Следственные дела, находящиеся в производстве, затягиваются нередко на срок свыше года. По Гандже они составляют 45%, По Нухе свыше 20% и по Ленкорани до 20% по отношению к общему числу следственных дел.

Значительным препятствием к успешности следственной работы являются, как уже отмечено, неудовлетворительно составленные, как по форме, так и по существу, протоколы дознаний. Недостаточная квалификация личного состава следственного аппарата является одной из главнейших причин продолжительности сроков следственного производства. Имеется потребность в увеличении числа камер нарсудей, без чего, по мнению обследователей, невозможно устранить установившуюся волокиту в судах даже при значительном повышении квалификации нарсудей. Обследователи в процессе своей работы на местах вносили значительные коррективы в формы делопроизводства судов.

Одна из главнейших задач уездной прокуратуры — это организационно-инструкторская работа в отношении органов дознания. Прокуратура уже осознала это, и она всемерно приходит на помощь органам дознания путем инструктирования их, созыва широких совещаний представителей органов дознания. Надзор органов прокуратуры за административными органами в настоящее время достаточно активен. Должна быть усилена общественно-политическая деятельность уездных помощников прокуроров в целях подготовки кадра общественных обвинителей и членов коллегии защитников из профсоюзных активистов.

Обследование зафиксировало ряд практических предложений по реорганизации отделов внутреннего управления НКВД, по инструктированию органов дознания (милиции), по усилению надзора за следственным производством, по замещению судебных должностей квалифицированными судебными работниками, по унификации форм делопроизводства и т. д.

Членами президиума верховного суда Азербайджана произведена недавно ревизия Ганджинского судебного округа. При обследовании окружного суда в Гандже выяснилось, что поступление дел превышает число рассмотренных. Интересно отметить, что из числа решенных дел больший процент составляют дела об убийствах. В общем по всему судебному округу 35% рассмотренных дел падает на всевозможного рода убийства. Второе место занимают преступления в области половых отношений. Ревизией отмечено во многих случаях произвольное применение условного наказания, назначение несоответствующих наказаний и систематическое уклонение от рассмотрения гражданских исков в уголовных делах. Дела часто залеживаются и откладываются из-за невручения по-

весток. Президиум верховного суда разрабатывает ряд мероприятий, направленных к устранению замеченных ненормальностей.

Органы юстиции в Грузинской ССР.

Бюджетная комиссия Тифлисского испол. ком. утвердила смету расходов органов юстиции на 1926—27 г. Сеть судебных учреждений по городу и уезду осталась прошлогодняя. Город разбит на 5 судебных районов с народными судами; кроме того, будут функционировать судебная камера и жилищные суды. По сравнению с 1925—26 годом смета увеличена. Увеличение объясняется сравнительно лучшим обеспечением хозяйственных и операционных расходов, покупкой инвентаря для судебных помещений и проч. Содержание трудовых судов в городе и уезде с нового бюджетного года переносится с местного на государственный бюджет.

Постановлением Совнаркома Грузии все места заключения в республике с будущего бюджетного года переводятся на госбюджет.

На местах.

Совещание работников юстиции в г. Кашине.

В г. Кашине состоялось 12 уездное совещание работников юстиции Кашинского у. с участием работников: милиции ВКК'а, лесничества, защиты, комонес, зем. комиссии, паразедалей.

Из вопросов, поставленных на повестке дня, совещание с особым вниманием и тщательностью остановилось на вопросах: о работе судебно-следственных органов за время с 1 октября 1925 г. по 1 апреля 1926 г. и о мерах борьбы с преступностью. По первому вопросу выяснилось, что в данное время на разрешение дела требуется не более одного или полутора месяцев, тогда как в прошлом отчетном периоде, в 1924 г. и в начале 1925 г., как обычное явление в практике судов, наблюдалось, что до решения дела с момента его поступления протекало 5—6 месяцев, а в отдельных случаях дело тянулось и много больше. Отмечая достижения за отчетный период, докладчик по этому вопросу обратил особое внимание и на целый ряд обстоятельств, мешающих в полной мере осуществлять лозунг «лицом к деревне».

Прежде всего, первой и основной причиной, ослабляющей судебно-следственную работу, — как отметил докладчик и признало совещание, — это недостаточность денежных средств. Из-за отсутствия в достаточной мере средств в данный момент не представляется возможным открыть в уезде два новых района суда, в которых ощущается жизненная потребность среди населения, а равно и практиковать более частые выездные сессии. Докладчик также обратил внимание на то, что в данное время наблюдается большое скопление у судебных исполнителей гражданских дел, и приведение в исполнение решений затягивается. На-ряду с другими недочетами в работе судов, докладчик отметил разноречивость в судах в применении карательной политики; за один и тот же вид преступления один суд применяет 1½ года лишения свободы, а другой — ½ года.

Совещание в принятой по докладу резолюции наметило в целях улучшения судебно-следственной работы целый ряд мер, из которых необходимо указать: 1) увеличение камер судов от 6 до 8; 2) увеличение штата суд. исполнителей от 2 до 3; 3) проведение не менее двух раз в месяц выездных сессий и не менее двух показательных процессов по выработанному плану по делам широкого общественного и бытового значения; 4) оживление деятельности уже организованных юридических кружков; 5) чтение лекций и докладов в строго плановом порядке; 6) увеличение числа защитников по Кашинскому у.; 7) регулярное проведение совещаний с нарзаседателями и увеличение оплаты нарзаседателям; 8) возбуждение ходатайства перед соответствующими органами о повышении зарплаты ответственных и технических работников судебно-следственных органов; 9) регулярное обследование судьями зем. комиссий; 10) оплата свидетелей из средств местного бюджета; 11) вменение в обязанность нарсудьям и нарследователям за счет усиления пропускной способности окончательно провести разгрузку дел, не допуская на будущее время в остатке дел более среднего месячного поступления; 12) вменение в обязанность судьям и следователям отчитываться в своей работе перед местными учреждениями и общественными организациями, а также освещать работу в печати; 13) продвижение дел, имеющих широкое общественно-политическое значение, вне очереди, как

в судах, так и следственных участках; 14) усиление карательной политики по делам об убийствах, растратах, конокрадстве и хулиганстве; 15) изучение роста движения преступности; 16) выполнение директив вышестоящих органов.

В докладе о мерах борьбы с преступностью докладчик на основании статистических данных отметил, что за полугодие октябрь—март 1924—25 г. наблюдается повышение преступности, в особенности хулиганства, растрат и конокрадства, против жизни и достоинства личности. В принятой по этому докладу резолюции совещание в целях более активной борьбы с преступностью отметило необходимость: 1) органам милиции и следователям тщательно изучать и строго учитывать преступные элементы в пределах своего района, имеющие обычно свои притоны; 2) стремиться к скорейшему окончанию дознания и следствия и быстрому решению дела в судебном порядке; 3) усилить меры репрессий за преступления—хулиганство, убийство и конокрадство, а в целях борьбы с последним усилить надзор и контроль за выдачей конских книжек; 4) в целях предупреждения преступлений командировать милиционеров в те селения, где празднуют престольные праздники; 5) проводить совещания в районах о мерах борьбы с преступностью.

Кроме указанных вопросов, совещание обсудило еще два доклада: о работе с нарзаседателями и о работе милиции за полугодие.

В общем совещание прошло с большой активностью и интересом. Громадное большинство товарищей, принимавших участие в работе совещания, высказалось по тому или иному вопросу, рассматриваемому совещанием. Участники совещания безусловно имели хороший случай пополнить свои знания и поделиться коллективным опытом между собой.

Участник совещания.

Гор. Кашин Тверской губ.

Библиография.

Юридическая литература Советского Союза. Ее развитие и библиография. Под ред. проф. Кельмана (Киев) и д-ра Фрейнда (Берлин). Изд. Прагера, Берлин. 1926. Стр. 103 (на немецком языке).

Интерес к советскому праву за границей возрастает. На нем спекулирует и эмигрантская профессура, по-своему освещающая различные стороны ненавистного ей правопорядка. К сожалению, советские юридические круги лишь крайне медленно приходят к сознанию необходимости закреплять научные связи с иностранными учеными. Распространение здравых взглядов на наше право и использование богатых достижений буржуазной юридической техники—таковы те задачи, которые надо было бы выполнить при этом в первую голову. Пока что сделано немного. Институт Советского Права учредил при Колумбийском университете (Сев.-Амер. Соед. Шт.) свое бюро, выпустившее пока одну или две брошюры. Установлена сотрудничество и издательская связь с лучшими юристами Германии, группирующимися вокруг журнала «Ostrecht». Из них Генрих Фрейнд пользуется заслуженной репутацией знатока советского права, много потрудившегося над его популяризацией у себя на родине.

Выходом в свет настоящего сборника мы обязаны личной энергии проф. Кельмана, связавшегося с крупной издательской фирмой Прагера в Берлине и использовавшего ее превосходный аппарат для распространения в широких кругах германских юристов правильных сведений о разных отраслях нашего права. Работу проф. Кельмана можно и должно приветствовать, хотя нельзя не удивиться, что не Москва, не Ленинград и не Харьков, а тихий ныне Киев, ставший городом библиотек и музеев, явился пионером в выполнении настоящей задачи, в которой с интересом научным теснейшим образом переплетается интерес политический. Из девяти участников сборника один (Фрейнд)—иностранец, двое (проф. Плетнев и Б. А. Ландау)—москвичи, остальные—киевляне. Притом из москвичей Б. А. Ландау, автор статьи о советской науке международного права, не может считаться представителем

советских международников в полном смысле этого слова; главная работа этого ученого относится к чрезвычайно интересной области концессионного права, лежащей так сказать на стыке международного и хозяйственного права с преобладающим уклоном к последнему. Проф. Б. Д. Плетнев—публицист-догматик, точно так же стоящий несколько в стороне от главного русла, по которому течет в настоящее время русская государствоведческая мысль. Я не хочу этим сказать, что составленные ими статьи совершенно не отвечают своему назначению. Бесспорно, однако, что марксистский уклон советской юриспруденции выявлен Б. А. Ландау и Б. Д. Плетневым с недостаточной четкостью.

Этим грехом страдает значительная часть сборника. Даже вводная статья марксистского ученого проф. Кельмана «Развитие юридической литературы в Советском Союзе» касается исключительно внешней стороны фактов; ход работы юристов-марксистов над проблемами права не получил в ней никакого отражения. Фрейнд посвятил краткий, но чрезвычайно ценный обзор немецкой литературе о советском праве. В числе других работ он упоминает и о книгах русских эмигрантских ученых. Из них работу Тимашева «Основы государственного права Советской России» Фрейнд характеризует, как лишенное всякой научной ценности и проникнутое чувством личной ненависти к изображаемому предмету писание. В таких же выражениях он отзывался об известном жарском коллективном труде «Право Советской России», делая некоторое исключение лишь для работы Н. Алексеева о советском государственном строе. Составленную при участии эмигрантов серию работ «Государство, право и хозяйство большевизма» Фрейнд точно так же находит неудачной, огорчиваясь, впрочем, что для исчерпывающих попыток этого рода время еще не пришло. В обзоре Фрейнда не могли, конечно, получить освещение идеологические качества русской литературы. Но эта обязанность ложилась в первую очередь на проф. Розанова, как автора обзора советской литературы по общему учению о праве и государстве. Проф. Розанову принадлежит один из немногочисленных библиографических трудов в этой области; ему бы, казалось, и книги в руки. К сожалению, обзор, принадлежащий перу этого автора, миниатюрен по объему и скуден по содержанию. Особо следует отметить повторяемую проф. Розановым частую ошибку наших авторов—совершенный отказ от пользования формально-юридическим методом, между тем как в догматической систематике советского права этот метод является абсолютно необходимым, и все комментарии к нашим кодексам составлены на его основе. У проф. Розанова подчеркнут с достаточной энергией марксистский характер советской юриспруденции. Однако, он ни словом не упоминает о борьбе различных течений в среде самих юристов-марксистов, борьбе неизбежной и желательной в диалектическом процессе роста науки. обстоятельные и толковые обзоры даны Чельцовым по уголовному, Вакарю по трудовому, Кельманом по гражданскому и Ландау по международному праву. Особенно интересен обзор по уголовному праву, кстати сказать, хорошо отражающий развитие марксистской уголовно-правовой мысли в России. Остальные статьи (Доброва о промышленном и Герцонова о земельном праве) в общем удовлетворительны. Совершенно неправильно, конечно, даваемая Добровым характеристика нашей торгово-промышленной системы, как сочетания государственного капитализма и частного предпринимательства. Мнение редакции сборника по этому вопросу представляется неясным. Неясно, впрочем, и то, в какой степени составители считали своей обязанностью идеологическое редактирование материала.

Все эти замечания не имеют в виду подорвать интерес и значение рассматриваемого сборника. Недочеты в столь трудном и новом деле неизбежны. Я полагаю, что ответственность за них падает не только на редакторов книги, но и на ту часть наших ученых юристов, которые посейчас не нашли времени и возможностей активно помочь проф. Кельману в серьезнейшей работе, пионером коей он должен быть по справедливости признан.

И. Ильинский.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СОДЕРЖАНИЕ: Циркуляры НКЮ №№ 198, 201, 203, 204. — Раз'яснения пленума Верховного Суда.

ЦИРКУЛЯРЫ НАРКОМУСТА.

Циркуляр № 198.

Всем наркомюстам авт. ССР, губ. и обл. (краевым) судам РСФСР.

О порядке составления справок о судимости.

При проверке представляемых в НКЮ справок о судимости установлено, что таковые составляются на местах крайне неудовлетворительно, в силу чего нередко приходится возвращать их на места для пересоставления, что вызывает непроизводительную трату сил и средств. К часто встречающимся недочетам следует отнести помещение в справках о судимости сведений о назначении мер социальной защиты, вопреки требованиям УК, как например: поражение прав при назначении основной меры социальной защиты в виде принудительных работ; назначение лишения свободы условно со строгой изоляцией; назначение лишения свободы выше предельных сроков, указанных в соответствующих статьях УК, из чего трудно бывает сделать вывод, допущена ли эта ошибка заполнявшим справку о судимости, или же помещенные в ней сведения соответствуют явно противозаконному приговору. О приговоренных к лишению свободы условно нередко не указывается в справке о судимости испытательный срок; сроки лишения свободы указываются за вычетом времени, отбытого под стражей до вступления приговора в законную силу, и т. п. Кроме того, справки о судимости заполняются весьма неразборчивым почерком, что не дает возможности установить такие необходимые сведения, как фамилию, имя и отчество осужденного, по какой статье УК осужден, на какой срок и какая мера социальной защиты назначена.

В целях устранения в дальнейшем подобного рода недочетов Народный Комиссариат Юстиции в отмену своего циркуляра от 24 февраля 1925 г. № 52 («Б. С. Ю.», № 10, 1925 г.) предлагает принять к неуклонному руководству и исполнению следующее:

1. В исполнение постановления Совнаркома РСФСР от 17 февраля 1925 г. о составлении и опубликовании ведомостей справок о судимости («С. У.» 1925 г. № 13, ст. 90), справки о судимости надлежит составлять в отношении следующих категорий осужденных, приговоры о которых вошли в законную силу: а) приговоренных к высшей мере социальной защиты, если приговор был в порядке общей или частной амнистии заменен другой мерой социальной защиты; б) приговоренных к лишению свободы на срок не ниже шести месяцев и в) признанных опротестованными по суду и пораженными в правах независимо от основной меры социальной защиты, примененной к ним судом.

Примечание. Справки о судимости не составляются на осужденных к лишению свободы (в том числе и условно) на срок не свыше шести месяцев или ко всякой другой более мягкой мере социальной защиты.

2. При заполнении справок о судимости надлежит писать четко (разборчивым почерком), с соблюдением сокращений согласно прилагаемого образца, чтобы справку о судимости без всяких изменений представлялось возможным сдать для набора в типографию. Особое внимание должно быть обращено на указание фамилии, имени и отчества осужденного, помещая эти сведения полностью, без всяких сокращений. Род преступления в графе 6 «за что осужден» надлежит указывать кратко, как например: «простая кража», «растрата», «служебный подлог» и т. п., в графе 7 «по какой статье УК» надлежит указывать не только самую статью, но и ее части и пункты, если таковая имеет несколько частей или пунктов.

3. В графе 8 «к какой мере социальной защиты приговорен осужденный и на какой срок» надлежит указывать только основную меру, назначенную судом в конечном итоге после применения статей 18-а, 18-б, 28 и 36 УК и 419-а и 437 УПК, но до сокращения срока меры социальной защиты по амнистии при вынесении приговора или в стадии отбывания назначенной меры, согласно раз'яснения пленума Верховного Суда РСФСР от 27 сентября 1926 г. (п. 6, пр. № 16). Исключение из этого правила допускается лишь в отношении лиц, приговоренных первоначально к высшей мере социальной защиты, замененной в порядке общей или частной амнистии другой мерой, при чем в этих случаях надлежит указывать и меру, первоначально назначенную приговором суда и замененную в силу постановления ВЦИК.

Примечание. Время, проведенное осужденным под стражей до суда, не должно исключаться из срока назначенной меры социальной защиты.

4. Из числа назначенных судом дополнительных мер социальной защиты следует указывать только поражение прав в соответствующей графе справки о судимости (гр. 9). В отношении приговоренных к лишению свободы условно обязательно указывать в соответствующей графе (гр. 10) испытательный срок, при чем справка о судимости, выполненная в отношении осужденного к лишению свободы условно, наверху в правом углу должна иметь пометку «условно», что будет облегчать работу сотрудников при разборе карточек в НКЮ.

5. При заполнении пр. 12: «прежняя судимость», надлежит иметь в виду ст. 37 УК по редакции постановления ВЦИК и СНК, от 9 февраля 1925 г. («С. У.» 1925 г., № 9, ст. 67 и № 29 ст. 211), и не помещать сведений о приговорах, в отношении которых истекли сроки, установленные указанной статьей.

6. При составлении справок о судимости судам надлежит использовать разосланные до издания настоящего циркуляра карточки: «справка об осужденных» и «справка об условно осужденном», не заполняя в этих карточках графу 10: «когда вынесен приговор», а в дальнейшем заполнять справки о судимости по прилагаемой к циркуляру форме, карточки по которой в достаточном количестве будут разосланы НКЮ на места.

г.Н. 192 . . . г.		Справка о судим. Условно
Вопросы		Ответы
1. Фамилия		Толубцов
2. Имя, отчество		Василий Исаевич
3. Сколько лет		48 л.
4. Из какой местности	Губ., обл.	Смоленск. г.
	уезда, округа	Дорогобужск. у.
	волости или района	Дубенск. в.
	Села, дерев., города	д. Бывалы
5. Название суда		Н.С. Чир. Дорогобужск. у.
6. За что осужден		грабеж
7. По какой ст. УК.		ст. 12. 183.
8. К какой мере соц. защиты приговор. осужд. и на какой срок		лиш. св. 1 г. усл.
9. Назнач. ли поражен. прав и на какой срок		—
10. Какой назнач. исп. срок (при услов. осужд.)		исп. ср. 3 г.
11. Когда приговор вступил в законн. силу		20/V-26.
12. Прежняя судимость		—
Подпись лица заполн. справку С. Иванов.		

7. Справки о судимости лиц, осужденных народными судами, отсылаются ежемесячно в губернские, областные и краевые суды, которые совместно со справками о судимости, составленными уголовными отделениями, перед высылкой их в НКЮ подлежат проверке в ПРО губ-, обл- и крайсудов с точки зрения как полноты и правильности заполнения, так равно и в отношении правильности квалификации преступлений и применения меры социальной защиты к осужденному. Порядок доставления справок о судимости лиц, осужденных судами автономных ССР, в народные комиссариаты этих республик устанавливается последними.

8. Справки о судимости должны составляться в двух экземплярах и отсылаться ежемесячно: один экземпляр в НКЮ

и второй — в административный отдел соответствующего исполкома или НКВД автономных ССР. В случае отмены в порядке надзора приговора, по которому послана справка о судимости, суд, отменивший приговор, должен немедленно об этом поставить в известность Наркомюст РСФСР.

Примечание. Справка на осужденных к лишению свободы условно составляется в одном экземпляре и отсылается только в Наркомюст РСФСР.

Нар. Ком. Юстиции Курский.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

30 октября 1926 года.

Циркуляр № 201.

Предс. краевых, обл. и губ. судов, краевым, обл. и губ. прокурорам.

Копия: прокурорам авт. республик.

О срочном рассмотрении дел, связанных с нарушением пол. о едином с.-х. налоге 1926/27 г.

Практика прошлой годней сельско-хозяйственной налоговой кампании 1925—26 г. показала, что нарсуды задерживали на значительный период времени рассмотрение дел, связанных с нарушением положения о едином сельхозналоге 1925/26 г.

Процент рассмотренных нарсудами дел этого рода достигает по некоторым губерниям на 1 июля с. г. всего 21—38%. Таким образом, в остатке еще значительное количество дел прошлой годней сельско-хозяйственной кампании.

В текущую кампанию по сбору сельхозналога 1926—27 г. и недоимок за прошлые годы необходимо для усиления поступления уже в начале сельско-хозяйственной кампании создать соответствующее настроение среди плательщиков к своевременной уплате ими налога.

В виду этого предлагается:

- 1) принять решительные меры к срочному рассмотрению этих дел, дав ряд конкретных директив нарсудам;
- 2) в ближайшем отчете охарактеризовать работу судебных органов в кампаниях по сбору сельхозналога.

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Пом. Прокурора Республики Крыленко.

3 ноября 1926 г.

Циркуляр 203.

Всем губсудам и губпрокурорам

Копия: НКЮ автономных республик.

О мероприятиях по борьбе с хулиганством.

Во исполнение постановления СНК от 20 октября с. г. о мероприятиях по борьбе с хулиганством НКЮ предлагает:

1) участвовавшие за последнее время случаи группового изнасилования, нападения на отдельных граждан и т. п. действия, совершаемые из хулиганских побуждений более или менее стойкими группами хулиганов, квалифицировать по 10 и 76 статьям Угол. Кодекса;

2) принять, как правило: после вынесения судебных приговоров по делам о хулиганстве и другим, связанным с ним, избрать мерой пресечения до рассмотрения дела в кассационном порядке содержание под стражей.

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Ст. Пом. Прокурора Республики Крыленко.

9 ноября 1926 г.

Циркуляр 204.

Всем краевым, обл. и губ. судам

О сроках представления отчетов о деятельности губ., обл. и краевых судов за 1926 г.

Несмотря на требования циркуляра НКЮ №№ 242—23 г., 248—25 г., и 59—26 г. и неоднократные напоминания, значи-

тельная часть судов нарушает сроки представления в НКЮ материалов, характеризующих их деятельность. В частности, до настоящего времени некоторыми судами не представлены в НКЮ отчеты за первое полугодие 1926 г.

Несвоевременное получение материалов с мест исключает возможность своевременной их проработки и дачи указаний и препятствует осуществлению руководства работой судов.

Коллегия НКЮ установила конечный срок выхода из печати сводного отчета НКЮ о деятельности губ., край, обл. судов за 1926 г.—15 марта 1927 г.

НКЮ предлагает принять самые энергичные меры к тому, чтобы отчеты за II полугодие 1926 г. были представлены в НКЮ ни в коем случае не позже 1 февраля 1927 г.

Одновременно тем судам, которые до сих пор еще не отправили в НКЮ отчета за первую половину 1926 года, предлагается представить его немедленно.

Ответственность за выполнение требований настоящего циркуляра возлагается на председателей губ. (край, обл.) судов, которые в случае несвоевременного их исполнения будут лично отвечать, как за нарушение служебной дисциплины.

Зам. Нар. Ком. Юстиции Крыленко.

Член Коллегии НКЮ Бранденбургский.

12 ноября 1926 г.

Разъяснения пленума Верховного Суда РСФСР

от 27 сентября (протокол № 16).

По протесту Пом. Прокурора УНК на определение УНК Верховного Суда от 13 сентября 1926 года по делу Сарапульской сессии Уральского обл. суда по обвинению гр. гр. Юшкова и др. по 142 и 116 ст. ст. УК.

Приговором от 30 июня 1926 г. Сарапульская сессия Уральского обл. суда установила:

1) что Юшков, будучи председателем сельсовета, 8 февраля 1925 г., в день ярмарки, в селе Гондырь Сарапульского уезда подговорил секретаря сельсовета Будрина к убийству задержанного на ярмарке вора Копылова и после убийства составил подложный акт о том, что якобы убийство произошло при попытке задержанного к бегству, во время его конвоирования;

2) что Будрин, секретарь сельсовета, при конвоировании задержанного Копылова убил его и подписал составленный Юшковым подложный акт;

3) что понятые Садеев, Заинин, Мурзилмов и Туктамышев подписали заведомо ложный акт о том, что Копылов убит якобы при попытке к бегству и поэтому приговорила: Юшкова по ст. ст. 16.142 и 116 УК и Будрина по 142 и 116 ст. ст. УК—к 8 годам лишения свободы каждого, но принимая во внимание, что подсудимые находились в возбужденном состоянии, под влиянием шума, создавшегося вокруг ярмарочных краж, что они были ответственны перед населением за порядок на ярмарке, суд на основании ст. 28 УК помнил наказание Юшкову до 6-месяцев лишения свободы, а Будрина до одного года лишения свободы. В отношении же понятых суд признал возможным применить 36 ст. УК.

УНК Верховного Суда, куда дело поступило по протесту окружного прокурора, приговор оставила в силе.

По протесту пом. прокурора УНК дело было внесено в пленум Верховного Суда, который вынес следующее постановление:

«Находя, что самосуды со стороны должностных лиц являются делом особенно социально-опасным и подлежат квалификации не по 142 ст., а по 2 ч. 106 ст. УК переквалифицировать деяния Юшкова и Будрина на 2 ч. ст. 106 УК и, исходя из обстоятельств данного дела, определить им меру социальной защиты в три года лишения свободы со строгой изоляцией каждому без поражения прав. Приговор в отношении остальных осужденных оставить в силе».

Ответственный Редактор: Нар. Ком. Юст. Д. Курский.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Редакционная Коллегия { Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Пруицкий.

Москва. Главлит № 67.395.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

16.500 экз.